

СОМЕРСЕТ

МОЭМ

МИССИС КРЭДДОК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Сомерсет Моэм
Миссис Крэддок

«Издательство АСТ»

1902

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Миссис Крэдок / С. Моэм — «Издательство АСТ»,
1902 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-136491-5

Берта всегда была романтической особой и всю жизнь мечтала о большой любви. Правда, оба мужчины, которым она отдавала когда-то свое сердце, были созданы, по большей части, ее воображением. Пробившийся в крупные помещики фермер Крэдок – добрый, но грубоватый и приземленный человек, не способный оценить силу и глубину личности жены. А юный Джеральд, напротив, – порочный, обозленный на весь мир, циничный мальчишка, в котором словно сконцентрировалось все разочарование жизнью «золотой молодежи». Так сможет ли миссис Крэдок обрести с кем-то из них такое желанное счастье?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-136491-5

© Моэм С., 1902
© Издательство АСТ, 1902

Содержание

Предисловие	6
Письмо-посвящение	10
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	29
Глава VI	36
Глава VII	41
Глава VIII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сомерсет Моэм Миссис Крэдок

W. Somerset Maugham
MRS CRADDOCK

© The Royal Literary Fund, 1902

© Перевод. Н. Сечкина, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие

Этот роман был написан в 1900 году. Сочтя его чрезвычайно дерзким, издатели – в том числе Уильям Хайнеманн – один за другим отказались печатать книгу. Наконец ее прочел Робертсон Николл, партнер издательской компании «Ходдер и Стотон». Он решил, что роман «не того сорта», чтобы публиковать его у себя в издательстве, однако дал ему неплохую оценку и уговорил Уильяма Хайнеманна пересмотреть свое решение. Хайнеманн прочел роман и согласился напечатать его с условием, что я выброшу куски текста, которые он посчитал скандальными. Это было в 1902 году. Судя по всему, книга имела определенный успех, поскольку в следующем году вышло переиздание, и еще одно – в 1908-м. Тридцать лет спустя роман опубликовали вновь. Это издание было отпечатано с оригинальной рукописи с сохранением «оскорбительных для нравственности» отрывков, потому как я, убей Бог, не мог вспомнить вымаранных мест, а сравнивать рукописный текст с отпечатанным экземпляром у меня не хватило терпения. Мне самому книга, наоборот, показалась пристойной почти до тошноты. Тем не менее я внес некоторую правку.

Автор умер много лет назад, и я распорядился рукописью, как если бы она принадлежала ушедшему из жизни другу, и роман, им не отредактированный, передал мне для подготовки к публикации. Я оставил все как есть, со всеми ошибками, и удовлетворился лишь мелкими исправлениями. Авторская пунктуация не подчинялась никаким правилам, так что я приложил немало усилий, дабы привести ее в порядок. Бессчетные тире, которые писатель, боюсь, использовал слишком часто и вольно, я заменял двоеточиями, точками с запятой и запятыми. Я опускал ряды многоточий, при помощи коих писатель стремился привлечь внимание читателя к красоте чувства либо тонкости наблюдения, – и ставил точки вместо восклицательных знаков, что маячили на страницах телеграфными столбами, очевидно, с целью подчеркнуть изумленное восхищение автора остротой собственного ума.

Понятия не имею, отчего он манерно взялся употреблять формы слов, уместные скорее в средневековом романе, нежели в современной прозе. Я убрал эти изыски везде, где нашел, но если они все же попадутся на глаза читателю, прошу простить молодого автора за его заблуждение, а редактора – за невнимательность.

Занятную историю рассказывают об Альфреде де Мюссе. Как-то раз, сидя у Жорж Санд и дожидаясь возвращения хозяйки, он взял со стола одну из книг, написанных ею. Произведение показалось ему невероятно многословным. Вернувшись домой Жорж Санд застала де Мюссе с карандашом в руке – поэт вычеркивал из книги все ненужные прилагательные. Говорят, это ей не слишком понравилось. Я могу понять и его порыв нетерпимости, и ее гнев, но сам в данном вопросе – сторонник умеренности. Некоторые излюбленные словечки автора теперь выглядят странно и старомодно, и все же я решил оставить их, поскольку нет причин утверждать, что современные замены, которые я мог бы употребить, точно так же не устареют через несколько лет. Мода на эпитеты проходит быстро, и распространенное сегодня «презанный», вне всяких сомнений, по прошествии некоторого времени будет звучать столь же искусственно, как «несносный» – слово, ходившее в 1890-х годах.

Далее, я вычеркнул множество «вполне», «в некоторой степени» и «довольно», так как автор романа имел неприятную склонность избегать безусловных утверждений. Я был безжалостен к наречиям. Когда молодой писатель использовал пять слов вместо одного, я оставлял одно; когда же он не выражал свою мысль ясно, я брал на себя смелость заменять его высказывание тем, которое, на мой взгляд, совершенно точно подразумевалось. Английский язык очень сложен, и автор, с чьей работой я позволил себе описанные вольности, так им и не овладел. Ему никогда не объясняли ни сложностей композиции, ни таинств стиля. Он начал писать, как дитя учится ходить. Автор усердно пытался изучать лучшие образцы творчества, однако,

не имея опытного наставника, порой выбирал неудачные примеры и уделял много внимания писателям, которых сегодня большая часть публики считает жеманными и пустыми.

Несколько месяцев назад в галерее на Корк-стрит проходила выставка небольших французских картин начала века. В то время я часто бывал в Париже, с удовольствием заглядывал в лавочки на рю де ла Бёти или гулял на другом берегу Сены, где полотна выставлялись на обозрение, и потому, должно быть, видел их и замечал, что другим они нравятся. При всем том я отмахивался от этих картин небрежным жестом, считая их салонными и заурядными, поскольку недавно открыл для себя Мане, Моне и Писсарро, и маленькие парижские зарисовки – изображения набережных, бульваров, убогих улочек и Елисейских Полей – ни о чем мне не говорили. Однако когда я вновь увидел их после долгого перерыва, они показались мне прекрасными. *Fiacres*¹, омнибусы, легкие двухместные повозки, запряженные резвыми лошадьми, которыми правили женщины – *femmes du monde*² или известные *cocottes*³, одетые по последней моде и спешащие в Булонский лес; маленькие солдаты в необычной форме; *nounous*⁴ в чепцах с длинными шелковыми лентами, толкающие перед собой детские коляски на пути в Люксембургский сад, – все это воспринималось как само собой разумеющееся, в голову даже не приходило, что жизнь столь пестра и радостна. Хорошо ли, плохо ли были написаны эти картины – а большинство из них свидетельствовало о тщательности упражнений в изящных искусствах, – не имело значения; годы придали им ностальгическое очарование, против которого не устоять. Это были *жанровые сцены*. И теперь, перечитав «Миссис Крэдок» перед новым изданием, я воспринимаю роман как жанровую картинку. Его нелепицы вызывают у меня смущенную улыбку, но я не трогаю их, потому что они принадлежат своему времени, и если роман чего-то стоит (а об этом судить читателям), то именно благодаря достоверному, хочется верить, отображению жизни в одном из уголков Англии на закате девятнадцатого столетия.

Действие происходит между 1890 и 1900 годом. Мир тогда сильно отличался от теперешнего. Телефон и граммофон уже были изобретены, однако стали частью обыденной жизни и заняли место в каждом доме лишь много лет спустя. Радио, конечно, еще не знали. Автомобиль также принадлежал будущему, а первый летательный аппарат братья Райт продемонстрировали только в 1903 году. Повсеместно вошли в моду «безопасные» велосипеды, и собирались целые компании, чтобы прокатиться на них в парк Баттерси или за город.

Женщины убирали волосы в высокую прическу, а если длины не хватало, на голове закреплялась накладная из собственных же волос, вычесанных гребнем. Поверх такого внушительного сооружения надевалась шляпка, украшенная цветами, фруктами и перьями. Дамы носили высокие воротники и пышные юбки в пол, а также корсеты на китовом усе, затянутые до невозможности. Молоденькие девушки хвастались восемнадцатидюймовыми талиями. Одно время невероятно модным считался рукав, пышный у плеча и узкий от локтя до запястья. К концу десятилетия волосы уже не забирали на макушке, а укладывали в «пучок» на затылке, и все женщины взбивали замысловатую (часто искусственную) челку. Горничные носили чепчики и опрятные фартуки, а хозяйка могла посчитать за дерзость, если прислуга явилась бы ей на глаза без головного убора.

Для визитов в гости, клубы и конторы мужчины надевали сюртуки и цилиндры. Некоторые смельчаки носили визитки – разумеется, с шелковым цилиндром. Котелок служил принадлежностью автобусных кондукторов, кучеров, клерков и прошелыг. На вечерние приемы мужчинам полагался фрак с черным жилетом и белым галстуком; в белых жилетах ходили только важные персоны. О смокинге ничего не слышали. Даже в сельской местности, где были

¹ Легкий наемный экипаж (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Дамы высшего света (фр.).

³ Кокотки, женщины легкого поведения (фр.).

⁴ Няньки (фр.).

привычны костюмы из твида и бриджи, пока не окрещенные брюками-гольф, мужчины носили жесткие стоячие воротнички и крахмальные рубашки.

Эра близилась к концу, однако поместное дворянство, которому вскоре предстояло лишиться власти, принадлежавшей им столь долгое время, даже не подозревало об этом. В связи с упадком сельского хозяйства земля перестала быть источником дохода, и все же, несмотря на это, мелкопоместные дворяне верили, что все будет идти своим чередом, как раньше. К классу богатых капиталистов, уже начавшему их вытеснять, они испытывали только презрение. Они принадлежали к благородному сословию. Да, по большей части эти люди были глупы, ограничены и нетерпимы; чересчур благонаравны и педантичны, но при этом не лишены достоинств. Думаю, автор обошелся с ними не совсем справедливо. Они жили и действовали согласно своим убеждениям. То, что кто-то рожден владеть имением, а прочие обязаны трудиться на его земле за сущие гроши, считалось естественным, и не в праве английского джентри было посягать на волю непостижимого провидения. В общем и целом поместные дворяне были честными, порядочными людьми, лишенными зависти, хорошо воспитанными, добрыми и радушными, но они пережили свое время, и то, что в ходе событий им было суждено исчезнуть, пожалуй, можно считать неизбежностью. Теперь их усадьбы либо заброшены, либо переделаны под школы или дома престарелых, а на обширных участках, которые они распродали, построены дома, пабы и кинотеатры.

Как это распространено среди романистов, автор «Миссис Крэдок» списал своих персонажей – за единственным исключением – с реальных, знакомых ему людей. Исключение это составляет мисс Лей. Прообразом ее героини послужила портретная статуя Агриппины⁵ из музея в Неаполе. Звучит неправдоподобно, но это факт. При всем том, когда я перечитывал книгу, меня главным образом привлекла фигура автора, явно проступающая на страницах романа. По-видимому, его нельзя было назвать приятным молодым человеком. Взять хотя бы нелепые предубеждения этого чудака: не понимаю, почему он так невзлюбил георгианский стиль. По-моему, ни в одной другой стране жилищная архитектура не достигла таких высот, как в Англии при Георгах: дома, возведенные в этот период, были величавы, красивы и просторны. Тем не менее, описывая дом, в котором жила главная героиня, автор неизменно делал это со злой насмешкой, называл «пятном, уродующим пейзаж». Подозреваю, его немало восхищали особняки из красного кирпича со створчатыми окнами и мансардными крышами, которые архитекторы возводили повсюду в сельской местности. Однако это всего лишь вопрос вкуса, а, как известно, человек может иметь вялый характер и одновременно обладать тонким вкусом.

Не знаю, с какой стати автор полагал (если только не позаимствовал свое мнение у Мэтью Арнольда⁶), что все англичане – обыватели и что остроумие, блестящие способности и культура достались исключительно французам. Молодой писатель не упускал шанса пройти насчет соотечественников. С определенной наивностью он оценивал французов так же высоко, как они ценят себя сами, и ни на миг не сомневался в том, что Париж – средоточие цивилизации. Современную французскую литературу он изучил лучше, нежели отечественную. Именно под влиянием первой он приобрел некоторую манерность письма – например, целые ряды многоточий, о которых я уже упоминал и которыми французские писатели того времени пользовались сверх меры. Единственным оправданием автору, помимо молодости, может служить то, что Англия для него олицетворяла сдержанность и подчинение условностям, тогда как Франция – вольный дух и свободу. Я крайне неодобрительно отношусь к его привычке время от

⁵ *Агриппина* (часто Агриппина Младшая; 15 – ок. 59 н. э.) – внучка императора Тиберия, сестра Калигулы, мать Нерона.

⁶ *Мэтью Арнольд* (1822–1888) – английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви.

времени вылезать на первый план романа и с едким сарказмом обращаться непосредственно к читателю. Где он обучился этому скверному приему, сказать трудно.

В силу того, что для своего возраста автор немало попутешествовал по Европе и довольно свободно разговаривал на четырех иностранных языках, а также по той причине, что молодой человек много читал не только на английском и французском, но и на немецком, испанском и итальянском языках, у него сложилось чрезвычайно благоприятное мнение о себе. Бывая в Европе, он свел знакомство с людьми – молодыми и не очень, – которые разделяли его превратные убеждения. Со средствами, достаточными для жизни в те недорогие времена, и дипломом без отличия они приезжали из Оксфорда или Кембриджа и вели бесцельное существование в Париже, Флоренции, Риме и на Капри. Писатель был слишком простодушен и не замечал в них безвольных слабаков. Они не стеснялись называть себя эстетам и воображали, что сгорают ярким, небесным пламенем. Они полагали Оскара Уайльда величайшим мастером английской прозы девятнадцатого века. Сознывая в душе, что приятели находят его незрелым юнцом и даже в чем-то мещанином, автор изо всех сил старался соответствовать их высокому уровню. Он послушно восхищался произведениями искусства, которые вызывали восхищение у них, и презирал все то, что презирали они. Наш молодой человек был не только глупым, но также надменным, самоуверенным и часто вздорным. Если бы я встретился с ним сейчас, то с первой же минуты почувствовал бы к нему глубокую неприязнь.

У.С.М.

1955

Письмо-посвящение

Дорогая мисс Лей!

Полагаю, вы не сочтете оскорбительным, если я задамся вопросом, когда же, собственно, имел счастье познакомиться с вами. И хотя я прекрасно помню, что это случилось не так давно, мне кажется, что мы с вами знакомы целую жизнь. Если не ошибаюсь, наша встреча произошла позапрошлым летом в Неаполе, верно? (Я все забываю, отчего вы, по обыкновению, посещаете зимние курорты в конце лета; названные вами причины были своеобразны, но не убедительны – надеюсь, не ради того, чтобы избежать общения с соотечественниками?) В тот день я наслаждался видом прекрасной портретной статуи Агриппины в Галерее Шедевров, когда вы, присев рядом, о чем-то меня спросили. Мы разговорились (кстати, оба даже не подумали, требуется ли этикет присутствия кого-либо из родственников; вы сразу положились на мою порядочность) и с тех пор провели вместе немало времени. По правде говоря, вы почти не покидали моих мыслей.

Теперь, когда наши пути расходятся (от этой избитой фразы вы наверняка поморщитесь), позвольте сказать вам, какую радость доставило мне ваше расположение и какое невыразимое удовольствие я получал от наших встреч, всякий раз сожалея, что неумолимые обстоятельства делают их столь редкими. Должен признаться, я благоговею перед вами, хотя вы этому и не поверите, ведь не раз упрекали меня в легкомыслии (на самом деле вы гораздо несерьезней меня!), однако ваша легкая насмешливая улыбка в ответ на какое-либо мое замечание постоянно заставляет меня думать, что я сказал глупость – а по вашему мнению, нет на свете более тяжкого греха...

Вы как-то говорили, что, если знакомство оставило приятное воспоминание, следует избегать соблазна возобновить его – иное время и место способствуют новым впечатлениям, которые не могут соперничать со старыми, вдвойне идеализированными сперва новизной, затем расставанием. Эта максима сурова, но оттого, видимо, еще более верна. И все же не хотелось бы верить, что будущее приготовило нам лишь забвение. Меня ожидает работа, а вы затеряетесь в лабиринте итальянских отелей, в которых, по странному капризу, предпочитаете прятать свои достоинства от окружающих. Я не рассчитываю на встречу с вами (звучит ужасно сентиментально, а вы, знаю, терпеть не можете бурного проявления чувств. И – да, в моем письме чересчур много скобок), однако же страстно надеюсь, что однажды вы решитесь на этот маленький эксперимент. Что скажете?

Искренне преданный вам, дорогая мисс Лей (пожалуйста, не смейтесь, я хотел бы написать – Любящий вас),

У.М.

Глава I

Эту книгу можно также озаглавить «Триумф любви».

Берта смотрела из окна на унылую серость дня. Небо было свинцовым, тучи – тяжелыми и низкими. На неухоженной подъездной аллее, ведущей к воротам, бесчинствовал ветер; с обрамлявших дорогу вязов облетела вся листва, их голые ветви словно дрожали от страха перед наступающим холодом. Стоял конец ноября, день выдался мрачный и безрадостный. Казалось, уходящий год отбрасывает на все вокруг тень смертного ужаса. Воображение отказывалось рисовать в измученном мозгу картины благословенного сияния солнца, картины весны – юной девы, которая щедро разбрасывает из своей корзины цветы и зеленые листья.

Берта обернулась и посмотрела на тетушку, разрезавшую страницы свежего номера журнала «Спектейтор». Прикидывая, какую книгу взять у Мьюди⁷, мисс Лей пробежала глазами осенние списки и хвalebные фразы, выуженные ловкими издателями из неблагоприятных отзывов.

– Что-то ты сегодня беспокойна, Берта, – заметила тетя в ответ на пристальный взгляд племянницы.

– Пожалуй, прогуляюсь к воротам.

– Ты ходила туда уже дважды за последний час. Обнаружила что-то новое?

Берта не ответила и опять отвернулась к окну; дневной пейзаж запечатлелся в ее сознании до последней мелочи.

– О чем вы думаете, тетя Полли? – спросила она, внезапно обернувшись к тетушке и поймав устремленный на нее взор.

– О том, что необходимо обладать большой проницательностью, чтобы распознать переживания девушки по виду ее прически.

– Да нет у меня никаких переживаний, – рассмеялась Берта. – Наоборот, мне хочется... – она умолкла, подыскивая слова, – распустить волосы, встряхнуть ими, что ли.

Мисс Лей ничего не сказала и опустила глаза в журнал. Она едва ли задумалась над тем, что имела в виду племянница, давно перестав изумляться ее привычкам и поступкам. Удивление тетушки вызывало лишь то, что эти привычки и поступки слабо соответствовали общепринятому мнению о Берте как о независимой молодой женщине, от которой следует ожидать чего угодно. За три года, прожитые вместе после кончины отца Берты, обе женщины научились прекрасно ладить друг с другом. Их взаимная привязанность была сдержанной и всячески достойной уважения, как нельзя более подобающей двум благовоспитанным дамам, связанным вопросами обоюдного удобства и внешних приличий.

Мисс Лей, призванная в Италию к смертному одру брата, познакомилась с племянницей в силу прискорбных обстоятельств, и к тому времени Берта оказалась слишком взрослой и независимой, чтобы признать авторитет чужого человека. С другой стороны, мисс Лей не имела ни малейшего желания кем-либо командовать. Она была пассивной натурой, никого не трогала и желала лишь, чтобы ее тоже оставили в покое. Однако если долг повелевал ей взять под свое крыло осиротевшую племянницу, было только к лучшему, что Берте уже восемнадцать и девушка – если бы не условности «приличного общества» – вполне способна о себе позаботиться. Мисс Лей возблагодарила провидение, открыв, что ее подопечная решительно настроена идти своим путем и не цепляться за юбки старой девы, которая горячо дорожит своей свободой.

⁷ Чарльз Эдуард Мьюди (1818–1890) – основатель одной из лондонских библиотек, выдававших на дом художественную литературу; изучал читательские вкусы и открыл большое количество филиалов.

Они путешествовали по континенту, осматривали церкви, картины и города, более всего стремясь при этом скрыть друг от друга свои эмоции. Подобно краснокожему индейцу, который сносит самые страшные пытки со стиснутыми зубами, мисс Лей считала в высшей степени позорным проявлять чувства при виде трогательной сцены. Сентиментальность она прятала за тонким цинизмом, шутила, что не способна плакать, и банальность этого приема – подражание лицедею Гримальди⁸ – заставляла мисс Лей посмеиваться над собой; слезы она считала неприличной слабостью. «Слезы даже хорошенькую женщину превращают в пугало, а уж дурнушку делают просто отталкивающей», – говаривала она.

В конечном итоге мисс Лей сдала внаем свою лондонскую квартиру и вместе с Бертой поселилась в родовом имении Корт-Лейз недалеко от Блэкстебла, в графстве Кент, обратившись к радостям сельской жизни. Дамы жили в полной гармонии, хотя внешне демонстрация взаимной привязанности ограничивалась лишь вежливым поцелуем по утрам и вечерам, почти одинаково бесстрастным, как с отдающей, так и с принимающей стороны. Обе ценили достоинства друг друга, особенно талант к острословию, который время от времени проявлялся в легких дружеских колкостях. Тем не менее у обеих хватало ума жить в ладу, и поскольку одна к другой не питала ни пылкой любви, ни холодной ненависти, поводов портить отношения просто не было. Собственно, именно поэтому беспокойство Берты в тот самый день ничуть не тревожило мисс Лей и, по ее мнению, легко объяснялось жаром молодой крови. Повышенный интерес племянницы к воротам в холодный и мрачный осенний вечер не вызвал у тетки ни осуждающего жеста, ни удивленного движения бровей.

Берта надела шляпку и вышла. Аллея из вязов, двумя ровными рядами протянувшихся от фасада Корт-Лейз до ворот, ранее представляла собой внушительное зрелище, но теперь прямо свидетельствовала об упадке старинной усадьбы. Там и сям на месте поваленных деревьев зияли прогалы, а один громадный ствол, рухнувший во время прошлогодней бури, до сих пор валялся на земле и гнил, к полному равнодушию управляющих и фермеров-арендаторов. По обе стороны от вязовой аллеи тянулись широкие полосы луга, некогда хорошо ухоженного, а ныне заросшего щавелем и сорняками. Там, где когда-то прогуливались изящные дамы в кринолинах и джентльмены в париках с бантами, обсуждавшие последние труды Ричардсона⁹, сейчас щипали траву овцы. За лугом тянулась живая изгородь, которую давно не подстригали, а за ней широко простирались угодья семьи Лей.

Берта шла и смотрела на большую дорогу за воротами; для нее было облегчением не ощущать на себе холодного взгляда тетки. Чувства теснили грудь Берты, трепыхались, словно птицы в силках, рвущиеся на свободу, однако ни за что на свете молодая женщина не позволила бы кому-то заглянуть ей в душу, переполненную надеждами, смутной тоской и тысячью непонятных желаний. Она вышла на сельский тракт, что вел из Блэкстебла в Теркенбери; вся дрожа, с бьющимся сердцем устремила взгляд вперед. Дорога, подметаемая ледяным ветром, была пустынна, и Берта едва не застонала от разочарования.

Вернуться домой она не могла: стены и крыша казались душной тюрьмой. Берта испытывала какое-то особенное удовольствие, стоя на обжигающе-холодном ветру, который забирался под одежду и пронизывал до костей. Ожидание было невыносимым. Берта вернулась за ворота и посмотрела на дорожку, ведущую к большому белому зданию – ее дому. Подъездной путь требовал поправки; сухие листья, которые никто не трудился убирать, с шелестом носились во всех направлениях. Особняк высылся прямоугольной коробкой, не вписываясь в окружающий пейзаж. Построенный при короле Георге II, он, казалось, так и не приобрел власти над землей,

⁸ Джозеф Гримальди (1778–1837) – английский актер-клоун.

⁹ Сэмюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель, родоначальник «чувствительной» литературы XVIII и начала XIX вв.

которую занимал. Невыразительный фасад, вереница окон и дорический портик ровно посередине – дом будто бы поставили на землю без всякого фундамента, точно картонный домик на пол. Годы не сделали сооружение красивее, и сейчас оно смотрелось так же, как сто с лишним лет назад, – уродливым пятном на местности, чужеродным и пошлым. Дом стоял в окружении полей, за ним не было даже сада, лишь несколько клумб перед крыльцом. За цветами никто не ухаживал, и они частью буйно разрослись, частью засохли.

День клонился к вечеру, хмурые тучи, казалось, забирали свет. Берта уже потеряла всякую надежду, но в последний раз взглянула на дорогу, и сердце екнуло у нее в груди. Она залилась румянцем, кровь хлынула по венам с внезапной быстротой. Испугавшись своего смещения, девушка едва не поддалась порыву убежать домой. Она уже забыла долгие мучительные часы, которые провела в ожидании того, кто сейчас поднимался вверх по склону.

Он приближался – высокий мужчина двадцати семи лет, плотного телосложения, крупный в кости, с длинными руками и ногами и великолепной широкой грудью. Про него с уверенностью можно было сказать «силен как бык». Берта узнала костюм, который ей всегда нравился: бриджи и гетры, просторная куртка из плотного твида, пояс, белый шарф и картуз – типичный наряд для сельской местности, которую Берта уже почти полюбила ради этого человека, и очень мужественный. Даже огромные сапоги, в которые он был обут, вызывали у нее радостное возбуждение; их размер свидетельствовал о решительном характере и уверенности, что невероятно импонировало. Стиль одежды как нельзя лучше соответствовал фону – темной дороге и вспаханым полям. «Интересно, сознает ли он собственную привлекательность?» – про себя подумала Берта.

– Добрый день, мисс Берта, – поздоровался он, проходя мимо.

Задерживаться мужчина не собирался, и при мысли о том, что он уйдет, ограничившись простым приветствием, у Берты упало сердце.

– Я узнала вас, когда вы шли вверх по дороге, – произнесла она и протянула руку.

Человек остановился и пожал ее. Прикосновение его больших сильных пальцев повергло Берту в трепет. Массивная и крепкая ладонь была словно вытесана из камня. Берта подняла глаза и улыбнулась.

– Сегодня холодно, правда? – сказала она.

Как ужасно, когда из тебя рвутся наружу страстные признания, а приличия требуют скрывать их и придерживаться скучных общепринятых фраз!

– Если двигаться со скоростью пять миль в час, не замерзнешь, – бодро отозвался он. – Я ходил в Блэкстебл, договаривался о покупке лошади.

Он так и излучал здоровье. Ноябрьские ветра обдували его, точно легкий летний бриз, и лицо светилось на бодрящем морозце – щеки покраснелись, в глазах искрился огонек. Энергия была из него ключом, распространяя вокруг почти осязаемое тепло.

– Вы гуляли? – спросил он.

– Ах, нет, – ответила Берта, слегка греша против истины. – Прошлась до ворот и случайно заметила вас.

– Я очень рад встрече. В последнее время вас почти не видно, мисс Берта.

– Не называйте меня «мисс Берта»! – воскликнула она. – Звучит просто ужасно!

В действительности обращение звучало еще хуже – почти по-лакейски.

– В детстве мы звали друг друга по имени, – напомнила она.

Он немного покраснел, и его застенчивость отозвалась в душе Берты радостной ноткой.

– Да, но когда вы вернулись полгода назад, то очень изменились, и я не осмеливался...

Кроме того, вы сами называли меня «мистером Крэдоком».

– Ладно, с этим покончено, – улыбнулась Берта. – Я гораздо охотней буду звать вас Эдвардом.

Она умолчала о том, что из всех христианских имен это имя казалось ей самым прекрасным, как и о том, что за последние недели мысленно повторяла его тысячу раз.

– Как в старые добрые времена, – сказал он. – Помните, как весело мы проводили время, когда вы были маленькой девочкой, еще до того, как уехали за границу с мистером Леем?

– О да! И на ту маленькую девочку вы смотрели с полным презрением, – рассмеялась Берта.

– Ну и вот, когда я впервые увидел вас после вашего возвращения – в длинном платье, с прической, – то жутко оробел, – признался он.

– Не такая уж я и страшная!

Они смотрели друг другу в глаза уже пять минут, и вдруг без всякой причины Эдвард Крэдок залился краской. Это не укрылось от Берты, и приятная дрожь короткой волной пробежала по ее телу. Она тоже вспыхнула, темные глаза засверкали ярче.

– Жаль, что мы видимся так редко, мисс Берта, – произнес Крэдок.

– Сами виноваты, любезный сэр, – ответила она. – Вступите на путь, что ведет в мой чертог, и в конце обязательно увидите дверь.

– Я побаиваюсь вашей тетушки.

С языка Берты едва не сорвалось, что трус никогда не завоюет красавицы, но из скромности молодая женщина сдержалась. Ее вдруг охватило оживление, она почувствовала себя невероятно счастливой.

– Вы очень хотите повидаться со мной? – с бьющимся сердцем спросила она.

Крэдок опять покраснел и замялся; его примечательный внешний облик и смущенный вид стали для Берты источником новых радостей.

«Если бы он только знал, как я его обожаю!» – думала она, разумеется, не имея возможности сделать признание вслух.

– Вы сильно переменялись за эти годы, – произнес Крэдок. – Я вас не понимаю.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Конечно, очень хочу, Берта, – быстро сказал он, очевидно, собрав все свое мужество. – Я мечтал бы всегда видеть вас.

– Что ж, – с чарующей улыбкой промолвила она, – после ужина я иногда совершаю прогулку к воротам и смотрю на вечерние тени.

– Бог ты мой, мне бы раньше знать!

«Дурачок, – мысленно усмехнулась Берта, – не догадывается, что сегодня я выйду на эту «прогулку» впервые».

Она с улыбкой сказала Крэдоку «до свидания», и они расстались.

Глава II

Берта летящей походкой вернулась в дом. Мысли о любви, словно стайка птиц, порхали над ее головой. Амур перелетал с ветки на ветку и пускал свои стрелы в распахнутое девичье сердце. Воображение Берты покрыло голые сучья нежно-зеленой листвой, окрасило серое небо в лазурь. Сегодня Эдвард Крэдок впервые явно выказал свою любовь. Прежде о его чувствах можно было лишь догадываться, и сомнения причиняли Берте ужасные муки. Что до нее, она не обманывала себя и не стыдилась: она безумно любила Крэдока и была готова целовать землю, по которой тот ступал. Берта храбро заявляла всему свету, что Эдвард – единственный мужчина, способный составить ее счастье, и потому она готова отдать свою судьбу в его сильные мужественные руки. Берта полностью уверилась, что Крэдок должен повести ее к алтарю. «Я хочу быть его женой», – сладко замирая от страсти, думала она.

Бесчисленное множество раз она представляла себя в его объятиях – в этих крепких руках, одна мысль о которых защищала от всех мирских напастей. О да, она грезилась о том, как он обнимет и поцелует ее; чувствовала прикосновение его губ, теплое дыхание и едва не лишалась чувств от любовной лихорадки.

Как же дождаться вечера, как пережить эти медленно тянущиеся часы? Все это время ей придется сидеть напротив тетюшки и вести беседу либо делать вид, что она занята чтением. Боже, это невыносимо! Ни с того ни с сего Берта задалась вопросом, знает ли Эдвард о ее любви. Он и представить не может, какую страсть пробудил в ней.

– Прошу прощения, что опоздала к чаю, – извинилась она, войдя в гостиную.

– Дорогая, – отозвалась мисс Лей, – тосты с маслом, конечно, уже совершенно несъедобны, съешь лучше кекс.

– Не хочу ничего есть! – воскликнула Берта и бросилась в кресло.

– Зато, как видно, умираешь от жажды, – прибавила мисс Лей, в упор глядя на племянницу. – Возьмешь чашку побольше?

Тетя пришла к выводу, что причиной беспокойства и долгого отсутствия Берты может быть только мужчина. Про себя она пожала плечами – какая в общем-то разница, кто именно? «Жених наверняка незавидный, – подумала мисс Лей. – Надеюсь, они не станут тянуть со свадьбой». Старую деву отнюдь не прельщала мысль несколько месяцев терпеть в доме робкого воздыхателя, истомленного чувством. Она считала, что все ухаеры попросту смешны и их следует скрывать – так же, как сыновья Ноя укрыли отцовскую наготу.

Мисс Лей наблюдала, как Берта жадно допивает шестую чашку чая. Разумеется, эти сияющие глаза, алые щеки, вздымающаяся грудь свидетельствовали о любовном волнении. Зрелище забавляло тетюшку, однако из снисходительности она благоразумно притворилась, что ничего не замечает. «В конце концов, меня это не касается, – размышляла мисс Лей. – Но если уж Берта собралась замуж, лучше бы ей управиться с этим до следующего квартального дня¹⁰, когда Брауны съедут с моей квартиры».

Мисс Лей сидела на кушетке у камина – среднего роста, сухая, с худым морщинистым лицом. Среди ее черт более всего выделялся рот, не слишком крупный, с чуть тонковатыми губами, которые всегда были крепко поджаты, что сообщало ей донельзя решительный вид. Уголки губ, однако, обладали выразительной подвижностью, странно противоречившей выводам, каковые можно было сделать из ее облика в целом. Мисс Лей имела привычку буравить собеседников холодным пристальным взглядом, и это было, мягко говоря, довольно неприятно.

¹⁰ *Квартальный день* – день, начинающий квартал года; день квартальных платежей (в Великобритании: 25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря).

Говорили, что мисс Лей смотрит на людей так, будто считает их непроходимыми дураками, и, между прочим, в большинстве случаев именно этого мнения она и придерживалась. Ее жидкие седые волосы были уложены совсем просто, а чрезвычайно скромный костюм придавал определенную чопорность, так что излюбленная манера мисс Лей изрекать всякие нелепицы с самым серьезным и благочинным выражением лица зачастую повергала случайного собеседника в замешательство. Создавалось впечатление, что эта женщина, в юности не отличавшаяся красотой, в зрелом возрасте обрела гораздо более располагающую внешность. Молодые джентльмены изрядно опасались мисс Лей, но лишь до тех пор, пока не обнаруживали, что служат для нее неиссякаемым источником развлечения, тогда как дамы преклонного возраста полагали, что мисс Лей, будучи, безусловно, благовоспитанной леди, все же имеет свою чудинку.

Берта допила чай и поднялась.

– Знаете, тетушка, – сказала она, – мне кажется, вас следовало бы назвать Мартой или Матильдой. «Полли» вам как-то не подходит.

– Милочка, не надо подчеркивать, что мне сорок пять. И пожалуйста, не улыбайся так, будто знаешь, что на самом деле мне сорок семь. «Сорок пять» устраивает меня просто потому, что это круглая цифра. Через год я буду говорить, что мне пятьдесят. Сорок восемь – совершенно неопределенный возраст, и женщине ни к чему в нем сознаваться, если только она не намерена выйти за вдовца с семнадцатью детьми.

– Тетя Полли, почему вы не вышли замуж? – спросила Берта, глядя в сторону.

Мисс Лей едва заметно улыбнулась; вопрос племянницы показался ей очень существенным.

– А зачем? – произнесла она. – Я имею пятьсот фунтов годового дохода. Ах, понимаю, ты не то ожидала услышать. Извини, но трагической любви у меня не случилось. Как правило, оправданием для старой девы может служить лишь тот факт, что она тридцать лет чахла от тоски по возлюбленному, который либо умер и теперь над его могилой растут подснежники, либо женился на другой.

Берта промолчала. Для нее мир расцвел радужными красками, и она не хотела ничего слышать о несовершенствах человеческой натуры. Она поднялась наверх, села у окна и принялась задумчиво смотреть в сторону фермы, где жил Эдвард. Любопытно, чем сейчас занят предмет ее обожания? Ждет ли вечера с тем же нетерпением, что и она? Внушительное препятствие в виде большого холма, разделявшее Берту с любимым, сильно ей досаждало. За ужином она не промолвила и двух слов. К счастью, мисс Лей тоже молчала. Берта не могла проглотить ни кусочка. Она крошила свой хлеб и возила по тарелке предложенную еду, постоянно бросала взгляд на часы, а когда они пробили, отчего-то вздрогнула.

Придумать какой-либо предлог для мисс Лей Берта не потрудилась, предоставив тетке думать все, что угодно. Было темно и холодно. Берта выскользнула через черный ход. Восхитительное ощущение того, что она совершает нечто рискованное, будоражило кровь. Ноги, однако, едва держали ее. Похожего прежде не бывало: Берта еще никогда не испытывала такой страшной слабости в коленях и теперь попросту боялась упасть. Дышать почему-то стало тяжело, сердце колотилось как сумасшедшее. Она шла по аллее, почти не сознавая, что делает. А что, если Эдварда нет, если он совсем не придет? Берта заставляла себя сидеть в комнате до тех пор, пока желание выйти не обуяло ее с неистовой силой, и сейчас боялась даже представить, что, придя к воротам, не найдет там Эдварда. Это будет означать лишь одно: он ее не любит. Берта остановилась и всхлипнула. Может быть, стоит подождать, ведь еще рано? Однако нетерпение подгоняло молодую женщину вперед.

Она тихонько вскрикнула: Крэдок неожиданно выступил перед ней из темноты.

– Ох, простите, – сказал он. – Я вас напугал. Решил, вы не будете против, если я приду. Вы на меня не сердитесь?

Берта задыхалась от счастья, на сердце у нее мгновенно стало легко. Значит, он все-таки любит ее, да еще переживает, что она может рассердиться!

– Я вас ждала, – шепнула она.

Какой смысл изображать робость и стыдливость? Они любят друг друга, так почему Берте не открыть свои чувства?

– Здесь очень темно, – сказал он. – Я вас не вижу.

Берта была так безумно счастлива, что утратила дар речи. Сейчас ей хотелось лишь лепетать: «Я тебя люблю, люблю!» Она приблизилась к Эдварду, чтобы коснуться его. Почему же он не заключает ее в объятия, почему не целует, как ей виделось в мечтах? Но как только Крэдок взял ее за руку, Берту словно пронзило током; перед глазами все поплыло, она едва не зашаталась.

– Что случилось? – встревожился он. – Вы дрожите?

– Просто немного замерзла. – Берта изо всех сил старалась говорить спокойно, но все слова куда-то пропали.

– Вы совсем раздеты. Накиньте-ка вот это, – сказал Крэдок и начал стягивать с себя куртку.

– Нет, нет, – забеспокоилась Берта, – вы замерзнете.

– Да нет, что вы.

Этот поступок показался Берте верхом бескорыстной доброты, сердце ее преисполнилось благодарности.

– Эдвард, вы так добры, – прошептала она чуть не со слезами.

Он обернул куртку вокруг ее плеч, и от прикосновения его рук Берта утратила остатки самообладания. По телу пробежала сладкая судорога, она теснее прижалась к Крэдоку. В тот же миг его руки скользнули вниз и обняли ее талию. Берта сдалась в его объятия и подняла глаза, Крэдок наклонился и поцеловал ее. Поцелуй привел Берту в такой экстаз, что она едва не застонала – то ли от боли, то ли от наслаждения. Она обвила руками шею Эдварда и привлекла его к себе.

– Какая же я дурочка, – наконец промолвила она, издав нечто среднее между смешком и всхлипом.

Берта немного отстранилась – правда, не настолько, чтобы Эдвард отнял руку, так уютно лежавшую на ее талии. Почему он ничего не говорит, не клянется в любви? Почему не просит того, чем она готова его одарить? Она склонила голову на плечо Крэдоку.

– Берта, я тебе нравлюсь? – спросил он. – Я хотел спросить тебя об этом с тех самых пор, как ты вернулась.

– Разве сам не видишь? – Уверенность вернулась к Берте. Она поняла, что признаться ему мешала лишь робость. – Глупый, не надо стесняться!

– Тебе известно, кто я такой, и...

– Что?

– Ты – мисс Лей, хозяйка Корт-Лейз, а я всего-навсего один из твоих арендаторов, без всяких средств.

– Я и сама небогата, – ответила Берта, – но если бы имела десять тысяч в год, с радостью положила бы эти деньги к твоим ногам.

– Берта, о чем ты? Не будь жестока со мной. Ты знаешь, чего я хочу, но...

– Ну, насколько я поняла, ты хочешь сделать мне предложение, – улыбнулась она.

– Не насмехайся надо мной, Берта. Я люблю тебя и мечтал бы просить твоей руки, но понимаю, что не вправе, потому что ничего не могу тебе дать. Пожалуйста, не сердись.

– Я ведь люблю тебя всем сердцем! – воскликнула Берта. – Мне не надо другого мужа. Ты сделаешь меня счастливой, а иного я и не желаю.

Крэдок снова заключил ее в страстные объятия и поцеловал.

– Неужели ты не замечал моей любви? – прошептала Берта.

– Я догадывался, но не был до конца уверен, и потом, я боялся, что окажусь недостаточно хорош для тебя.

– Я тебя обожаю. Раньше я не знала, что можно любить так сильно. О, Эдди, ты даже не представляешь, сколько счастья принес в мою жизнь.

Крэдок еще раз поцеловал ее, она вновь обняла его за шею.

– Тебе не пора домой? – спохватился он. – Что скажет мисс Лей?

– Нет, нет, погоди, – запротестовала Берта.

– Как ты откроешься ей? Думаешь, она не будет против? Твоя тетя наверняка уговорит тебя порвать со мной.

– Ты ей понравишься, и не сомневайся. А даже если и нет, какая разница? Не ей ведь выходить за тебя.

– Она опять увезет тебя за границу, и там ты полюбишь другого.

– Эдвард, ты что, не знаешь? Завтра мне исполняется двадцать один год, и я сама смогу распоряжаться своей судьбой. Я не покину Блэкстебл, пока не выйду за тебя.

Пара медленно брела к дому – Крэдок настоял на этом, опасаясь, что Берта слишком долго пробудет на холоде. Они шли рука об руку, Берта наслаждалась своим счастьем.

– Завтра к нам на ленч должен прийти доктор Рамзи, – сообщила она. – Тогда-то я и объявлю, что собираюсь за тебя замуж.

– Ему это придется не по душе, – нервно заметил Крэдок.

– А мне все равно. Если мы с тобой этого хотим, все остальные пусть думают, как им заблагорассудится.

– Ладно, отдаю все в твои руки.

Они подошли к крытой галерее перед входом, Берта неуверенно посмотрела на дверь.

– Пожалуй, я пойду, – сказала она, втайне надеясь, что Эдвард предложит сделать еще один круг по саду.

– Да-да, иди, – ответил он. – Не хватало еще, чтобы ты простудилась.

Как мило с его стороны беспокоиться о ее здоровье! И конечно, он прав. Эдвард прав в каждом слове, в каждом поступке. Берта вдруг забыла о своей упрямой натуре и почувствовала жгучее желание полностью покориться воле Крэдока. Сила этого человека вызывала у нее странное ощущение собственной слабости.

– Доброй ночи, любимый! – горячо прошептала Берта.

Она не могла оторваться от него, словно безумная. Поцелуи никак не кончались.

– Доброй ночи!

Когда фигура Крэдока наконец растворилась во тьме, Берта вошла в дом и закрыла дверь.

Глава III

И у старых, и у молодых за большим горем следует бессонная ночь. На стариков так же действует и большая радость, однако для юной души счастье, по-видимому, более естественное состояние, и потому оно не нарушает ночного покоя. Берта крепко спала без снов, а проснувшись, поначалу не помнила вчерашних событий. Внезапно память к ней вернулась, и она потянулась в кровати с удовлетворенным вздохом.

Лежа в кровати, она размышляла о своем счастье. Берта с трудом верила, что ее самое заветное желание осуществилось. Милосердный Господь дал чадам своим то, о чем они просили; Берта мысленно вознесла жаркую благодарственную молитву. Странно было сознавать, что после мучительного ожидания, надежд и страхов, любовных терзаний – жгучих, но почти что сладостных, в конце концов все закончилось хорошо. Предел мечтаний достигнут, ей больше нечего желать. Ах, в самом деле, Господь всемилостив!

Берта вспоминала о двух месяцах, которые провела в Блэкстебле. После того как улеглось первое волнение, связанное с возвращением в отцовский дом, она погрузилась в скучные будни деревенской жизни. Днем Берта обычно бродила по сельским тропинкам или гуляла вдоль побережья, глядя на безбрежную пустыню моря. Она много читала, охотно тратя массу свободного времени на удовлетворение безудержной тяги к знаниям. Берта провела немало часов в библиотеке, по большей части собранной ее отцом, поскольку к литературе семейство Лей обратилось только после того, как дела пришли в значительный упадок и прочие развлечения стали недоступны. Берта изучала корешки, испытывая некоторое волнение при виде великих имен прошлого, и предвкушала удовольствие, которое они доставят ей при прочтении. Она ни с кем не встречалась, за исключением своего опекуна доктора Рамзи, его супруги, а также викария с сестрой.

Как-то раз она пришла к викарию и застала там Эдварда Крэдока, который только что вернулся из короткой поездки. Раньше они знали друг друга; его отец арендовал землю у отца Берты, и Эдвард до сих пор обрабатывал тот же участок. Правда, они не виделись целых восемь лет, и сейчас Берта узнала его с большим трудом. Тем не менее Эдвард, одетый в бриджи и толстые гетры, показался ей красавцем, и она обрадовалась, когда тот подошел к ней спросить, помнит ли она его. Крэдок сел рядом, и Берта безошибочно уловила приятный дух деревенского подворья – смесь ароматов крепкого табака, скотины и лошадей. Она и сама не поняла, почему этот запах заставил сердце биться быстрее, однако с наслаждением вдыхала его, и в глазах ее сверкал огонек. Крэдок заговорил, и для слуха Берты его голос звучал будто песня. Ей очень понравились его выразительные серые глаза. У Эдварда было чисто выбритое лицо и красиво очерченный рот. Берта краснела и чувствовала себя ужасно глупо, хотя изо всех сил старалась выглядеть очаровательной. Она знала о том, как красивы ее собственные темные глаза, и не сводила их с Эдварда. Наконец он стал прощаться и пожал ей руку. Берта чрезвычайно разволновалась, ее щеки опять вспыхнули румянцем. Когда Эдвард встал и сильный запах мужчины-фермера опять достиг ноздрей Берты, у нее закружилась голова. Хорошо, что мисс Лей не видела ее в этот момент.

Она шла домой в темноте, стараясь успокоиться. Из головы не шел Эдвард Крэдок. Берта вспоминала прошлое, перебирая в памяти эпизоды их общения в детстве. Ночью Крэдок ей приснился, во сне он ее целовал.

Берта проснулась с мыслями о Крэдоке и поняла, что не переживет, если сегодня же не увидится с ним. Сначала она думала послать ему приглашение на ленч или чай, но не решилась; кроме того, ей пока что не хотелось показывать Эдварда тетушке. Внезапно ее осенило: ферма! Она пойдет туда, это ведь ее земля. Бог любви явил благосклонность: в поле Берта разглядела Крэдока, занятого каким-то делом. Увидев его, она затрепетала, сердце забилось

часто-часто. Когда же Эдвард заметил ее и двинулся навстречу, она покраснела, затем побледнела, тем самым выдав себя с головой. Крэддок, непринужденной походкой приблизившийся к изгороди, показался ей невероятно красивым. Более всего на Берту произвела впечатление его мужественность – поистине Эдвард был силен, как Геркулес. Она с трудом скрывала свое восхищение.

– Ах, я не знала, что это ваша ферма, – сказала она, пожимая его руку. – Просто шла куда глаза глядят.

– Идемте, мисс Берта, я покажу вам хозяйство.

Крэддок открыл калитку и провел ее в сарай, где стояли повозки, заодно указав на пару крепких лошадей, на которых вспахивали соседнее поле. Он также показал Берте коров и согнал в кучу свиней, чтобы похвалиться их отличным здоровьем; дал кусочек сахара, которым она угостила коня; сводил в хлев и рассказал о тонкостях разведения овец. Берта внимала ему, словно зачарованная. Когда Крэддок с гордостью продемонстрировал сельскохозяйственные машины и объяснил, как используется ворошилка и сколько стоит жатка, Берта решила, что никогда в жизни не слышала ничего более захватывающего. Больше всего, однако, ей не терпелось посмотреть жилище Эдварда.

– Не нальете мне стакан воды? – попросила она. – Ужасно хочется пить.

– Ну конечно, заходите, – пригласил Крэддок, распахивая дверь.

Берта вошла в небольшую комнату, пол в которой был застелен клеенкой. Посередине располагался стол, накрытый красной скатертью из набивной ткани; стулья и диван, обитые старой, потрескавшейся кожей, стояли почти вплотную друг к другу. На каминной полке, помимо трубок и банок для табака, были расставлены пестрые фарфоровые вазы с камышами, а в центре – часы на мраморной подставке.

– Какая прелесть! – воскликнула Берта. – Вам, должно быть, здесь очень одиноко?

– Что вы! Меня почти не бывает дома. Хотите молока? Молоко полезней воды.

Берта увидела на столе салфетку, кувшин с пивом, хлеб и сыр.

– Вы собирались завтракать? – спросила она. – Простите, что помешала.

– Ничего страшного, просто в одиннадцать часов я обычно перекусываю.

– Можно и мне с вами? – загорелась Берта. – Я проголодалась как волк, к тому же обожаю хлеб с сыром.

Они уселись друг напротив друга, находя эту неожиданную трапезу очень забавной. Хлеб, нарезанный толстыми ломтями, был необычайно вкусным, ну а пиво, конечно, казалось слаще нектара. Немного спустя Берту охватило опасение, что Крэддок может посчитать ее чудачкой.

– По-вашему, с моей стороны нелепо вот так прийти к вам и попроситься на угощение?

– Наоборот, это очень мило! Мистер Лей часто заглядывал к моему отцу и запросто садился с ним за стол.

– Вот как? – удивилась Берта. Разумеется, это обстоятельство делало ее поступок совершенно естественным. – Теперь мне пора идти. Ох и рассердится тетя Полли!

Крэддок уговорил ее взять цветы и торопливо срезал несколько георгинов. Берта приняла букет со смущенной благодарностью, и когда на прощание они обменялись рукопожатием, у нее почему-то опять заколотилось сердце.

Мисс Лей поинтересовалась, откуда цветы.

– Да так, – небрежно ответила Берта, – встретила одного из арендаторов, он мне их и дал.

– Хм-мм, – промурлыкала мисс Лей. – Лучше бы они вовремя вносили арендную плату.

Когда тетя покинула гостиную, Берта растроганно посмотрела на скромный букет и коротко рассмеялась. «Нет смысла себя обманывать, – подумала она. – Кажется, я влюблена». Она поцеловала георгины и почувствовала, что очень довольна.

Она действительно не на шутку влюбилась, поскольку к вечеру решила во что бы то ни стало выйти замуж за Эдварда Крэдока. Времени Берта не теряла: прошло меньше месяца, а свадьба была уже не за горами.

Мисс Лей презирала любые проявления чувств. Рождество, когда сосед прижимал соседа к груди и рассыпался перед ним в глупых сантиментах, внушало ей такое отвращение, что она взяла привычку уезжать на это время куда-нибудь на континент, туда, где никого не знала и могла избежать чрезмерно слащавых людских эмоций, праздничных поздравлений и общего умильного настроения. Даже летом вид остролиста заставлял ее брезгливо морщиться; мисс Лей тут же вспоминала праздничное убранство в домах с достатком, ветки омелы на газовых канделябрах и глупых стариков, которым нравится целовать незнакомых женщин. Ее радовало, что у Берты хватило ума не принимать бурных изъятий радости от слуг и обедневших арендаторов, которых доктор Рамзи специально хотел собрать по случаю совершеннолетия хозяйки Корт-Лейз. Мисс Лей допускала, что торжества, достойные этого повода – бесконечные рукопожатия, шумное веселье и назойливая общительность английских селян, – могут превзойти даже мишурную безвкусицу Святков. По счастью, Берта, как и мисс Лей, терпеть не могла подобные празднества и уведомила всех, о ком шла речь, что они крайне обяжут ее, если оставят без внимания событие, которое лично для нее не представляет особой важности.

И все же полностью сдержать рвение опекуна не удалось. Доктор Рамзи обладал чисто английской убежденностью в отношении надлежащего порядка вещей. Он настоял на том, чтобы официально встретиться с Бертой, принести свои поздравления, благословить новорожденную и произнести наставительную речь.

Когда Берта спустилась вниз, тетушка уже завтракала. Ее завтрак очень по-женски состоял из крохотного кусочка ветчины и ломтика поджаренного хлеба. Мисс Лей изрядно нервничала; причиной беспокойства был день рождения племянницы.

«Женщины имеют одно преимущество: после двадцати пяти не афишируют свой день рождения и скрывают его как нечто неприличное, – думала мисс Лей. – Мужчины же так много значения придают собственному триумфальному появлению на свет, что помешаны на этой дате. Глупцы уверены, будто она интересна кому-то еще!»

Берта вошла в комнату и поцеловала тетю.

– Доброе утро, дорогая, – промолвила мисс Лей. Наливая племяннице кофе, она добавила: – Наша любезная кухарка в честь твоего совершеннолетия спалила молоко. Надеюсь, она не напьется на радостях – по крайней мере до вечера.

– Ну а я надеюсь, что доктор Рамзи не разойдется слишком сильно, – отозвалась Берта, которая прекрасно понимала чувства тетушки.

– Милая, я содрогаюсь при мысли о его чрезмерной оживленности. Он хороший человек с прекрасными принципами, да к тому же не глупее большинства прочих докторов, но его дружелюбие порой просто действует на нервы.

Берта сохраняла спокойствие лишь внешне – в голове у нее путались мысли, а сердце стучало как безумное. Она сгорала от нетерпения сообщить свою новость. Берта имела некоторую склонность к драматизму и предвкушала эффектную сцену: ей вручат ключи от королевства, а она объявит, что уже нашла короля, который рука об руку с ней будет им управлять. Она также понимала, что объясняться наедине с мисс Лей было бы непросто; куда легче иметь дело с грубовато-добродушным доктором Рамзи. Всегда есть определенная трудность в общении с человеком, который всячески подчеркивает, что каждый сам по себе, и находит удовольствие в том, чтобы прятать свои истинные мысли и не делиться ими с окружающими. Берта послала Крэдоку записку с просьбой прийти к трем часам, дабы она представила его как будущего супруга и хозяина Корт-Лейз.

Прибывший доктор Рамзи с порога обрушил на именинницу поток поздравлений, отчасти шуточных, отчасти серьезных и сентиментальных – в общем, крайне неприятных на придирчивый вкус мисс Лей. Опекун Берты был высоким широкоплечим мужчиной с гривой светлых волос, теперь уже седеющих. По мнению мисс Лей, ему совершенно не шли бакенбарды, узкие в верхней части и расширяющиеся книзу. Доктор Рамзи был краснощек и благодаря росту, веселому нраву и яркому румянцу воплощал собой картину отличного здоровья. Громкоголосый, дородный, с чисто выбритым подбородком, он напоминал йомена из доброй старины, когда тяжелые времена и распространение грамотности еще не сделали из мелкого землевладельца нечто среднее между городским клерком и объездчиком из Ньюмаркета. Несмотря на то что доктор Рамзи одевался в сюртук и цилиндр уже много лет, вещи до сих пор сидели на нем криво, словно воскресный наряд на крестьянине. Мисс Лей, которая любила давать людям смешные описания и находить удачные сравнения, никак не могла подобрать для него точного определения, и это вызывало у нее легкую досаду. В ее глазах единственным связующим звеном между доктором и остальными людьми была любовь к антикварным вещам, благодаря которой его дом заполнили старинные табакерки, фарфор и прочие ценные безделушки. Под «остальными людьми» мисс Лей понимала узкий круг лиц, в основном женского пола, среднего возраста, не обремененных семьей и имеющих собственные доходы, которые путешествовали на европейский материк, читали хорошие книги и питали отвращение к подавляющему большинству ближних своих, в особенности когда те верещали о благотворительности, тыкали в лицо своей религией или же с остервенелым усердием накачивали мышцы.

Доктор съел завтрак с аппетитом, который, как предположила мисс Лей, постоянно радовал его мясника. Она вежливо осведомилась о здоровье миссис Рамзи, которую втайне осуждала за мягкотелую покорность. Мисс Лей взяла за правило избегать общения с дамами, превратившимися в бледные тени своих мужей, особенно если они могли говорить только о домашнем хозяйстве. Что до миссис Рамзи, то за исключением воскресных дней, когда супругу доктора занимали мысли о нарядах местной паствы, ее заботил лишь неумный аппетит мужа и способы его удовлетворения.

Они вернулись в гостиную, где доктор принялся рассказывать Берте о ее владениях: что собой представляет тот или иной арендатор, в каком состоянии находятся фермы. В конце концов его монолог свелся к тому, что наступила тяжкая пора и арендной платы ни от кого не добьешься.

– Итак, Берта, что ты намерена делать? – задал вопрос доктор.

Этого удобного случая она и дожидалась.

– Кто, я? О, я собираюсь выйти замуж.

Доктор Рамзи удивленно открыл рот, потом запрокинул голову и громко расхохотался.

– Неплохо! – воскликнул он.

Мисс Лей взглянула на него, недоуменно вздернув брови.

– Девушки в наше время очень смелы, – довольно заметил доктор. – В мою молодость барышни сплошь краснели да опускали глаза. Если в присутствии юной девы кто-нибудь заводил речь о свадьбе, она мечтала о том, чтобы земля разверзлась и поглотила ее!

– Чушь! – фыркнула мисс Лей.

Берта смотрела на доктора Рамзи, с трудом пряча улыбку. Тетя поймала ее взгляд.

– Значит, собираешься замуж, Берта? – со смехом спросил доктор.

– Да, – ответила она.

– Когда? – задала вопрос мисс Лей, которой слова племянницы не показались шуткой или выдумкой.

Берта смотрела в окно в ожидании Эдварда.

– Когда? – повторила она и обернулась. – Через четыре недели.

– Что?! – вскочил доктор Рамзи. – Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть жених? Ты помолвлена? А, понял, понял! Вы решили меня разыграть. Мисс Лей, вы нарочно молчали о том, что Берта помолвлена?

– Любезный доктор, – невозмутимо ответила мисс Лей, – до этой самой минуты я ничего не знала о помолвке. Полагаю, мы должны поздравить Берту. Столько поздравлений, и все в один день – это чудесно.

Доктор Рамзи переводил озадаченный взгляд с одной дамы на другую.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он.

– Я тоже, – отозвалась мисс Лей, – но сохраняю спокойствие.

– Все просто, – подала голос Берта. – Помолвка состоялась вчера вечером, и ровно через четыре недели я выхожу замуж. За мистера Крэдока.

На этот раз изумлению доктора Рамзи не было предела.

– Что-что? – вскричал он, подскочив на месте, отчего пол угрожающе затрясся. – За Крэдока? Что еще за Крэдок?

– Эдвард Крэдок. – Берта не повела и бровью. – С фермы Бьюли.

– Апп-ррр! – Доктор издал страшный возглас, передать на письме который довольно трудно. – Какая нелепость! Нет, ты этого не сделаешь!

В ответ Берта лишь улыбнулась.

– Доктор, вы слишком разволновались, – произнесла мисс Лей. – Кто этот джентльмен?

– Он не джентльмен! – От досады доктор Рамзи даже побагровел.

– Он будет моим мужем, доктор, – твердо сказала Берта и поджала губы, точь-в-точь как мисс Лей, после чего обратилась к тетушке: – Мы знакомы с самого детства, наши отцы были дружны. Эдвард – фермер-джентльмен.

– То есть, – вставил доктор Рамзи, – ни одно, ни другое.

– Простите, запямятовала, кем был ваш отец? – невинно осведомилась Берта, прекрасно все помнившая.

– Фермером! – с жаром воскликнул доктор. – И, хвала Господу, никогда не строил из себя дворянина. Мой отец работал на земле! Я не раз видел, как он перекидывал вилами навоз, когда рядом не было помощников.

– Понятно, – кивнула Берта.

– Однако мой отец не имеет к делу никакого отношения. Ты не можешь за него выйти, потому что он уже тридцать лет лежит в могиле, как не можешь выйти и за меня, потому что я женат!

Мисс Лей спрятала улыбку. Берта была умна и потому не лишила немолодую тетушку легкого удовольствия понаблюдать за тем, как жуют племянницу, хотя уже начинала злиться – поведение доктора она сочла грубым.

– Что вы имеете против него? – спросила Берта.

– Допустим, ты хочешь сделать из себя посмешище, но Крэдок не вправе потворствовать твоему капризу! Он знает, что не пара тебе.

– Почему нет, если я его люблю?

– Почему нет?! – взревел доктор Рамзи. – Потому что он сын фермера, как и я, а ты – Берта Лей, владелица Корт-Лейз! Потому что мужчина в его положении, не имея даже пятидесяти фунтов, не увивается тайком за состоятельной барышней.

– Пять тысяч акров, с которых никакой прибыли, – пробормотала мисс Лей, одержимая духом противоречия.

– На самом деле у вас ничего нет против него, – возразила Берта. – По вашим же словам, у Эдварда безупречная репутация.

– Я не знал, что твои расспросы связаны с матримониальными планами.

– Ни с чем они не связаны. Мне не важна его репутация. Я бы вышла за него, даже будь он лодырем, пьяницей и распутником, – потому что люблю.

– Берта, милая, – вмешалась мисс Лей. – Если ты будешь продолжать в таком духе, доктора хватит удар.

– Доктор Рамзи, вы ведь говорили, что Эдвард – один из лучших парней, которых вы знаете.

– Я этого не отрицаю! – крикнул доктор, чьи розовые щеки действительно приобрели угрожающий лиловый оттенок. – Крэддок знает свое дело, усердно трудится, он честный и порядочный человек.

– Боже правый, доктор, – воскликнула мисс Лей, – ваш Крэддок – просто кладезь сельских добродетелей! Вряд ли Берта влюбилась бы в него, если бы в нем не было ни одного изъяна.

– Если бы Берта нуждалась в доверенном лице, – продолжал доктор Рамзи, – я бы только его и рекомендовал, но когда речь идет о замужестве...

– Он вносит арендную плату? – поинтересовалась мисс Лей.

– Крэддок – едва ли не самый добросовестный из всех арендаторов! – прорычал доктор, которого раздражали легкомысленные замечания, вставляемые тетужкой Берты.

– Разумеется, в эти тяжкие времена, – прибавила мисс Лей, решив не позволять доктору слишком серьезно изображать из себя сурового отца, – приличный фермер может поправить свои дела лишь одним способом – женитьбой на хозяйке земли.

– Вот и он! – воскликнула Берта, глядя в окно.

– Бог мой, он что, идет сюда?! – рявкнул ее опекун.

– Да, я посылала за ним. Не забывайте, скоро он станет моим супругом.

– Черт меня подери, если я это допущу!

Мисс Лей негромко рассмеялась. Ей нравилось редкое крепкое словцо, оживлявшее банальные беседы, которые мужчины вели в присутствии дам.

Глава IV

Берта быстро избавилась от озабоченного выражения и прогнала досаду, вызванную спором. Когда дверь открылась, на ее щеках играл нежный румянец. Своего прекрасного принца она встретила обворожительной улыбкой. Берта приблизилась к Крэдоку и взяла его за руки.

– Тетя Полли, позвольте представить, – сказала она, – это мистер Эдвард Крэдок. Доктор Рамзи, вы с Эдвардом уже знакомы.

Крэдок пожал руку мисс Лей и взглянул на доктора, который поспешно отвернулся. Эдвард слегка покраснел и сел рядом с мисс Лей.

– Мы как раз говорили о тебе, дорогой, – сообщила Берта.

Неловкая пауза, возникшая с прибытием гостя, затянулась. В то время как взволнованный Крэдок отчаянно пытался придумать тему для разговора, мисс Лей явно не собиралась ему помогать.

– Я сказала тете Полли и доктору Рамзи, что свадьба состоится ровно через четыре недели.

Крэдок слышал про дату впервые, однако ничем не выдал своего изумления и все силился вспомнить речь, специально заготовленную по этому поводу.

– Мисс Лей, я постараюсь быть хорошим мужем для вашей племянницы, – начал он.

Мисс Лей, однако, не дала ему продолжить. Она уже пришла к выводу, что Крэдок способен сказать лишь то, что положено говорить по тому или иному поводу, а это в ее глазах считалось ужасным преступлением.

– Да, да, не сомневаюсь, – перебила она. – Как вам известно, Берта сама себе хозяйка и ни перед кем не отчитывается за свои поступки.

Крэдок пришел в легкое замешательство. Он намеревался уверить мисс Лей в собственной ничтожности и стремлении поступать согласно долгу, а также объяснить свое положение, но эта леди, кажется, и слышать ничего не хотела.

– Что, действительно, очень удобно, – пришла ему на помощь Берта, – поскольку я собираюсь строить жизнь по-своему, без чьих-либо советов.

Мисс Лей про себя любопытствовала, не увидел ли молодой человек во фразе Берты пророчества, сулящего ему отныне и впредь полный покой, но Крэдок, по-видимому, не уловил в ней ничего зловещего. Он посмотрел на Берту с благодарной улыбкой, и в ответ удостоился взгляда, полного страстного обожания.

Мисс Лей с первых секунд разглядывала Крэдока с необычайной придирчивостью и, как всякая женщина, испытывала определенное удовольствие при мысли о том, что Берта с беспокойством пытается угадать ее мнение. Крэдок обладал привлекательной внешностью. Мисс Лей, в общем, нравились все молодые мужчины, но этот экземпляр и вправду был недурен. За исключением красивых глаз, в лице не было ничего особенно примечательного; облик Крэдока говорил об отменном здоровье и добром нраве. Мисс Лей даже отметила, что он не грызет ногти и что руки у него крупные и сильные. В целом Крэдок не отличался от множества других молодых и здоровых англичан с отличными физическими данными и здоровой нравственностью, хороших как биологический класс. Мисс Лей удивляло лишь, почему ее племянница выбрала этого человека из десяти тысяч ему подобных. В том что выбор сделала именно Берта, мисс Лей ни на миг не сомневалась.

– Берта показывала вам наших цыплят? – ровным тоном спросила она, обернувшись к Крэдоку.

– Нет, – ответил тот, удивленный вопросом. – Надеюсь, еще покажет.

– Непременно покажет. Знаете, я совсем не разбираюсь в сельском хозяйстве. Вы когда-либо выезжали за границу?

– Нет. Прикипел к родной стороне. Англия меня вполне устраивает.

– Да уж. – Мисс Лей опустила взгляд. – Берта обязательно должна показать вам цыплят. Они ведь очень схожи с людьми: так же глупы!

– Никак не могу заставить своих кур нестись в это время года, – пожаловался Крэддок.

– Конечно, я не разбираюсь в сельском хозяйстве, – повторила мисс Лей, – и все же цыплята такие забавные!

Доктор Рамзи заулыбался, а Берта гневно сверкнула глазами.

– Тетя Полли, раньше вы не интересовались цыплятами.

– Неужели, милочка? Помнишь, вчера вечером я сказала, что цыпленок, поданный к ужину, слишком жесткий? Как давно вы знакомы с Бертой, мистер Крэддок?

– Мне кажется, я знаю ее всю жизнь. И хочу узнать еще лучше.

На этот раз пришла очередь Берты улыбнуться, а мисс Лей (хотя и была уверена, что у Крэддока это получилось случайно) не могла не отметить, как ловко он ушел от ее вопроса. Доктор угрюмо молчал.

– Доктор Рамзи, сегодня вы как никогда сдержанны, – недовольно укорила его Берта.

– Боюсь, мои слова не слишком вам понравятся, мисс Берта, – резко ответил тот.

Мисс Лей не собиралась допускать, чтобы открытые препирательства нарушили учтивую скованность атмосферы.

– Вы опять думаете про арендную плату, доктор Рамзи, – вздохнула она и пояснила Крэддоку: – Бедный доктор ужасно подавлен из-за того, что половина наших арендаторов сетуют на отсутствие денег.

«Бедный» доктор засопел и что-то пробурчал себе под нос. Мисс Лей решила, что молодому человеку самое время откланяться, и посмотрела на племянницу. Берта мгновенно поняла ее взгляд.

– Оставим их, Эдди, – сказала она, поднимаясь. – Идем, я хочу показать тебе дом.

Крэддок проворно встал с явным облегчением от того, что испытание закончилось. Перед уходом он пожал мисс Лей руку и все-таки произнес короткую речь:

– Вы ведь не будете сердиться, что я забираю у вас Берту? Надеюсь, скоро мы с вами познакомимся поближе и станем большими друзьями.

Мисс Лей, застигнутая врасплох, тем не менее оценила попытку объясниться. Все могло пройти гораздо хуже. Во всяком случае, Крэддок не ссылаясь на Всемогущего и не упоминая о своем «долге».

Затем Крэддок подошел к доктору Рамзи с протянутой рукой, отвернуться от которой было бы невежливо.

– Доктор Рамзи, я бы хотел как-нибудь с вами встретиться, – произнес Крэддок, глядя ему в глаза. – Полагаю, у вас ко мне есть разговор. Мне тоже нужно с вами побеседовать. Когда вы сможете уделить мне время?

Услышав эти прямые и искренние слова, Берта зарделась от удовольствия, а ее тетушке пришлось по душе смелость, с которой Крэддок обратился к старому ворчуну.

– Да, поговорить было бы неплохо, – кивнул доктор. – Скажем, сегодня в восемь вечера.

– Отлично! До свидания, мисс Лей, – попрощался Крэддок и вышел вместе с Бертой.

Мисс Лей не относилась к тем людям, которые считают опрометчивым судить окружающих, не узнав их в достаточной мере. Мисс Лей составляла свое мнение о человеке уже через пять минут и очень любила делиться своими впечатлениями.

– Знаете, доктор, – произнесла она, едва закрылась дверь за молодой парой, – он вовсе не так страшен, как я думала.

– А я и не утверждал, что Крэддок дурен собой, – едко ответил доктор Рамзи, убежденный, что все женщины как одна теряют голову при виде интересного мужчины.

Мисс Лей улыбнулась:

– Привлекательная внешность, мой милый доктор, – это три четверти боевого арсенала в борьбе за жизнь. Вы даже не представляете, на какое унылое существование обречена дурнушка.

– Вы одобряете нелепое намерение Берты?

– По правде говоря, одобряем мы с вами его или нет, не имеет особого значения, и посему лучше отнестись ко всему спокойно.

– Поступайте как знаете, мисс Лей, но лично я собираюсь положить конец этому безрассудству! – отрезал доктор Рамзи.

– Не выйдет, дорогой доктор, – опять улыбнулась мисс Лей. – Я знаю Берту намного лучше, чем вы. Мы с ней прожили три года, и все это время мне доставляло удовольствие изучать ее натуру. Позвольте рассказать, как мы впервые встретились. Вам, конечно, известно, что мы с отцом Берты рассорились много лет назад; спустив все свои деньги, он пожелал проделать ту же штуку с моими, а когда я ответила категорическим отказом, впал в буйный гнев, обозвал меня жалким неблагодарным созданием и держал обиду до конца своих дней. Смерть жены подкосила здоровье моего брата, несколько лет он провел, скитаясь с Бертой по Европе. Девочка получала образование – какое было доступно – в полудюжине стран. До сих пор удивляюсь, что она вообще чему-то выучилась и не превратилась в испорченное существо. Берта – великолепный пример того, что люди более склонны к добру, нежели ко злу. – Мисс Лей усмехнулась, поскольку сама не слишком в это верила. – И вот однажды, – продолжала она, – я получила телеграмму, отправленную на имя моего адвоката: «Отец умер, приезжайте, если можете. Берта Лей». Обратным адресом значился Неаполь, а я была во Флоренции. Разумеется, я все бросила и помчалась туда, захватив лишь сумочку, несколько ярдов траурного крепа да нюхательные соли. На вокзале меня встретила Берта, которую я не видела десять лет. Моим глазам предстала высокая миловидная девушка, очень сдержанная и прелестно одетая по последней моде. Я мягко поцеловала ее, как того требовали печальные обстоятельства, и по дороге с вокзала спросила, на какой день назначены похороны, заранее приготовив нюхательную соль на случай, если сирота разразится рыданиями. «Похороны уже прошли, – сообщила она. – Чтобы вас не расстраивать, я дала телеграмму, когда все закончилось. Я поставила в известность хозяина виллы и слуг. По правде говоря, в вашем приезде не было необходимости, просто доктор и английский священник посчитали неправильным, что я здесь совсем одна». После этих слов нюхательная соль понадобилась мне самой. Вообразите мое состояние! Я ожидала увидеть неловкую девочку-подростка, слезы, истерики и полный кавардак, а вместо этого нахожу, что все устроено самым пристойным образом, а этот подросток способен позаботиться еще и обо мне. За ленчем Берта окинула взглядом мой дорожный костюм. «Полагаю, вы покинули Флоренцию в большой спешке, – заметила она. – Если хотите одеться в черное, рекомендую мою модистку – она шьет весьма неплохо. Кстати, сегодня я еду к ней, чтобы примерить несколько платьев».

Мисс Лей сделала паузу и взглянула на доктора, чтобы проверить, какой эффект произвели ее слова. Доктор Рамзи молчал.

– Позже мои первоначальные впечатления только усилились, – добавила она. – Вы преизойдете сами себя, если убедите Берту отказаться от принятого ею решения.

– Вы хотите сказать, что намерены благословить этот союз?

Мисс Лей пожала плечами:

– Любезный доктор, повторяю, наши с вами благословения или проклятия не имеют ни малейшего значения. Крэдок – самый обычный молодой человек. Благодарение Богу, что Берта не выбрала кого-то похуже. Этот хотя бы образован.

– Да, вы правы. Десять лет в Королевской школе в Теркенбери кое-что значат.

– Что представлял собой его отец?

– То же, что и Эдвард – джентльмен-фермер. Обучался в Королевской школе, как впоследствии его сын. Водил знакомство с местными дворянами, однако не принадлежал к ним; знал всех фермеров, хотя не относился и к этому сословию. Такими Крэддоки были много поколений – ни то ни се, ни рыба ни мясо.

– Газеты пишут, что именно эти люди – хребет страны, доктор, ее главная опора.

– Тогда пусть держатся, где положено хребту, – со спины, – проворчал доктор Рамзи. – Как хотите, мисс Лей, но я не допущу этого безумия. В конце концов, мистер Лей назначил меня опекуном девочки, и пускай ей уже исполнился двадцать один год, мой долг – проследить, чтобы она не попала в лапы первого встречного оборванца, который уговорит ее выйти замуж.

– Воля ваша, – отозвалась мисс Лей, которой немного наскучил этот добрый джентльмен. – Едва ли вы чего-то добьетесь от Берты.

– Я не буду разговаривать с Бертой. Я встречу с Крэддоком и прямо выскажу ему все, что думаю.

Мисс Лей вновь пожала плечами. Доктор Рамзи явно не понимал, за кем решающее слово в этом вопросе, а она не считала нужным его об этом информировать. Доктор удалился, и через несколько минут в комнату вошла Берта. Судя по всему, тетушка не собиралась чинить препоны истинной любви.

– Дорогая, тебе надо позаботиться о приданом, – с сухой улыбкой промолвила она.

– Церемония будет совсем скромной, – ответила Берта. – Мы с Эдвардом не хотим никакой шумихи.

– Очень умно с твоей стороны. Большинство людей думают, что, вступая в брак, совершают нечто оригинальное; им даже в голову не приходит, что со времен Адама и Евы кто-то еще заключал семейный союз.

– Я пригласила Эдварда завтра к нам на ленч, – сообщила Берта.

Глава V

На следующий день после ленча мисс Лей вернулась в гостиную и распаковала посылку от Мьюди. Она просматривала издания, пробежала глазами страницу той или иной книги, чтобы получить о ней представление, но мысли ее возвращались к только что закончившейся трапезе. Эдвард Крэдок заметно нервничал, за столом держался очень скованно и проявлял чрезмерную услужливость, передавая мисс Лей соль, перец и прочие мелочи. Крэдок прилагал все усилия, чтобы показаться любезным, но в то же время был немного подавлен и отнюдь не лучился восторженной радостью, естественной для счастливого жениха. Мисс Лей задавалась вопросом, действительно ли он любит ее племянницу. Берта, вне всяких сомнений, парила в небесах от любви и не сводила глаз с молодого человека, словно в жизни не видела ничего более прекрасного и восхитительного. Такая экспансивность в сравнении с прежней сдержанностью удивляла. Казалось, Берте совершенно не важно, что ее чувства станут достоянием целого света. Она не только была счастлива своей любовью, но и гордилась ею. Мисс Лей вслух рассмеялась над наивной уверенностью доктора в том, что он сможет помешать этой страсти. Отлично сознавая, что хладные струи доводов рассудка не в силах погасить бушующее пламя, мисс Лей даже не думала препятствовать союзу, но в то же время не имела желания быть свидетелем вступительных шагов к нему, поэтому после ленча сослалась на усталость и уединилась в гостиной. Ее радовала мысль о том, что она поступает, как ей нужно, и одновременно создает удобство для влюбленных.

Мисс Лей выбрала из стопки книг одну, которая показалась ей самой обещающей, и начала читать. Вскоре в дверь заглянула служанка и объявила о приходе мисс Гловер. Тень недовольства, пробежавшая по лицу мисс Лей, немедленно сменилась медоточивой благожелательностью.

– Ах, дорогая мисс Лей, не вставайте, – поспешно произнесла посетительница, видя, как хозяйка медленно поднимается с кушетки, на которой так уютно расположилась.

Мисс Лей обменялась рукопожатием с мисс Гловер и сказала, что счастлива ее видеть, про себя думая, что приверженность почтенной гостьи правилам очень утомительна. Гловеры обедали в Корт-Лейз на прошлой неделе, и ровно семь дней спустя мисс Гловер нанесла предписанный этикетом визит.

Мисс Гловер была весьма достойной особой, но донельзя скучной, а этого мисс Лей простить никак не могла. По ее мнению, в тысячу раз лучше быть чудовищно подлой Бекки Шарп, нежели чудовищно кроткой и глупой Эмилией¹¹. Мисс Гловер была одной из самых добросердечных и отзывчивых женщин на Божьем свете, ангелом бескорыстия и самопожертвования, однако получать удовольствие от ее общества мог лишь слабоумный.

«Фанни Гловер – милая, добрая душа, – говаривала про нее мисс Лей, – и творит бесконечное благо для нашего прихода, но при всем том так уныла и бесцветна, что ей самое место на небеси». Солидные годы не мешали мисс Лей мысленно рисовать мисс Гловер с распущенными тусклыми волосами, крыльями и золотой арфой, денно и нощно распевавшей церковные гимны противным писклявым голосом. На самом деле райский образ совсем не подходил мисс Гловер. Ей было около двадцати восьми лет, однако на вид можно было дать и двадцать, и сорок. Казалось, что она всегда выглядит одинаково и что годы не властны над силой ее духа. Фигуры у мисс Гловер не было, а жесткие, плотные наряды скорее походили на броню. Она неизменно одевалась в глухой черный жакет из ткани в рубчик – видимо, наиболее ноской, – самую простую юбку и толстые, действительно толстые ботинки. Шляпку, подходившую для всякой погоды, мисс Гловер сшила сама. Вуали она никогда не носила, поэтому кожа на ее

¹¹ Бекки Шарп, Эмилия – персонажи романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847).

лице потемнела и обветрилась и так туго обтягивала кости, что лицо выглядело неестественно худым и угловатым. На выступающих скулах алел румянец, но не ровный, а с четко выделяющейся сеточкой капилляров. Нос и рот подходили под тактичное определение «решительные», бледно-голубые глаза были немного навывкате; ветра Восточной Англии за десять лет выдули из ее лица всю мягкость, их колючая ярость обесцветила даже волосы. То ли они прежде были каштановыми и утратили яркость, то ли золотистыми и потеряли блеск, – неизвестно. Корни торчали из черепа как-то по отдельности, и, глядя на них, мисс Лей невольно думала, как легко пересчитать волосы мисс Гловер. Однако вопреки холодной, суровой наружности, позволявшей предполагать крайне твердый характер, мисс Гловер была так застенчива и до смешного робка, что постоянно краснела, а в присутствии незнакомых людей испытывала настоящие муки по причине своей неспособности выдать хоть слово. При этом в груди мисс Гловер билось самое нежное, доброе и великодушное сердце, переполненное любовью и состраданием к ближним. Она была чрезвычайно чувствительна.

– Как поживает ваш брат? – поинтересовалась мисс Лей.

Мистер Гловер служил викарием в Линхэме, что располагался примерно в миле от Корт-Лейз по дороге на Теркенбери, и с первого дня его назначения мисс Гловер вела в доме брата хозяйство.

– О, прекрасно. Правда, очень обеспокоен диссентерами¹². Слыхали, они ведь строят новую церковь в Линхэме. Просто ужас!

– Мистер Крэдок упоминал об этом за ленчем.

– Он завтракал у вас? Не знала, что вы так хорошо знакомы.

– Кажется, он еще здесь, – сказала мисс Лей. – Во всяком случае, пока не прощался.

Мисс Гловер посмотрела на хозяйку в некотором недоумении, однако не стоило ожидать, что мисс Лей соизволит что-либо объяснить, прежде чем напустит еще больше тумана.

– А как дела у Берты? – осведомилась мисс Гловер, чьи разговоры в основном состояли из расспросов про общих знакомых.

– Разумеется, на седьмом небе от счастья.

– В самом деле? – подняла брови сестра викария: она ничегошеньки не понимала.

Мисс Гловер слегка побаивалась старшей приятельницы, и хотя ее брат Чарльз с сожалением признавал, что мисс Лей чересчур привязана ко всему мирскому, мисс Гловер не могла не испытывать уважения к даме, которая жила в Лондоне и на материке, встречалась с епископом Фарраром¹³ и видела мисс Марию Корелли¹⁴.

– Ну конечно, – кивнула она. – Берта молодая и веселая барышня.

– Уверена, она будет счастлива.

– По-видимому, вы очень переживаете за ее будущее, мисс Лей.

Мисс Гловер нашла высказывания мисс Лей загадочными и, чувствуя себя глупо, залилась краской.

– Вовсе нет, – возразила мисс Лей. – Берта сама себе хозяйка. Она здоровая и рассудительная девушка, как и большинство прочих. Но, что ни говори, это все-таки серьезный риск.

– Простите, – пролепетала сестра викария с таким страданием в голосе, что мисс Лей ощутила укол совести, – я вас не понимаю. Какой риск вы имеете в виду?

– Супружество, милочка.

– Берта... выходит замуж? Ах, мисс Лей, дорогая, примите мои поздравления! Какое счастье, какая гордость для вас!

¹² Диссентеры – протестантские секты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI – XIX вв.

¹³ *Фредерик Уильям Фаррар* (1831–1903) – англиканский богослов, писатель, экзегет. Был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории.

¹⁴ *Мария Корелли* – псевдоним английской писательницы Мэри Маккей (1855–1924).

– Моя любезная мисс Гловер, прошу вас, успокойтесь. А если хотите поздравить, адресуйте свои поздравления Берте, а не мне.

– Я так рада, мисс Лей! Подумать только, наша замечательная Берта выходит замуж! Чарльз тоже будет очень доволен.

– Жених – Эдвард Крэдок, – сухо произнесла мисс Лей, прерывая поток бурных эмоций.

– А? – Мисс Гловер от удивления приоткрыла рот и изменилась в лице, затем, овладев собой, воскликнула: – Да что вы говорите!

– Вы, очевидно, удивлены, дорогая, – кисло улыбнулась мисс Лей.

– О да. Я думала, они едва знакомы. К тому же... – Мисс Гловер смущенно запнулась.

– К тому же что? – резко спросила мисс Лей.

– Видите ли, мисс Лей, мистер Крэдок, конечно, очень хороший человек и нравится мне, но... я бы не назвала его подходящей парой для мисс Берты.

– Все зависит от того, что, по-вашему, означает понятие «подходящая пара».

– Я всегда надеялась, что Берта выйдет замуж за младшего мистера Брандертона из Тауэрс.

– Гм, – ответствовала мисс Лей, которая недолюбливала матушку соседа-сквайра. – Не представляю, чем может похвастаться мистер Брандертон, помимо наличия четырех или пяти поколений бестолковых предков и двух-трех тысяч акров земли, которую он не может ни продать, ни сдать в аренду.

– Нет-нет, мистер Крэдок – весьма достойный молодой человек, – поспешила добавить мисс Гловер, испугавшись, что наговорила слишком много. – Если вы одобряете союз, никто и слова не скажет.

– Я не одобряю этого союза, мисс Гловер, но я не настолько глупа, чтобы препятствовать ему. Замужество для женщины, которая имеет собственные средства, – всегда сущий идиотизм.

– Но ведь брак – это институт, установленный церковью! – запротестовала мисс Гловер.

– Неужели? – парировала мисс Лей. – А я всегда считала, что это институт, призванный обеспечивать работой судей по бракоразводным делам.

Это замечание мисс Гловер благоразумно оставила без ответа.

– Как по-вашему, они будут счастливы вместе? – наконец спросила она.

– Думаю, это крайне маловероятно, – ответила мисс Лей.

– В таком случае не велит ли вам долг – простите, что упоминаю об этом, – что-то предпринять?

– Моя добрая мисс Гловер, полагаю, Берта и Крэдок будут не более несчастливы, чем большинство прочих семейных пар; самый же главный на свете человеческий долг заключается в том, чтобы не лезть в чужие дела.

– Тут я с вами не соглашусь, – попыталась взбрыкнуть мисс Гловер. – Если бы долг сводился лишь к этому, в его выполнении не было бы ничего достойного!

– Милая моя, в вашем представлении жить счастливой жизнью – значит постоянно делать что-то неприятное, а в моем – собирать розы, защитив руки перчатками, чтобы не уколоться шипами.

– Так битвы не выиграть, мисс Лей. Мы все должны бороться со своими пороками!

Брови мисс Лей поползли вверх. Ну не дерзость ли – ее совестит женщина, которая на двадцать лет моложе! Однако представив, как это убогое, худосочное и скверно одетое создание атакует хвостатого дьявола, вооруженного рогами и когтями, мисс Лей мысленно узрела картину столь же жалкую, сколь и комичную, а потому пересилила себя и подавила желание поспорить со своей уважаемой приятельницей и тем самым ее напугать.

В гостиную вошел доктор Рамзи.

– Решил заглянуть, посмотреть на Берту, – сказал он, пожав руки обеим дамам.

– У бедного мистера Крэдока появился еще один оппонент, – объявила мисс Лей. – Мисс Гловер полагает, что мне следует отнестись к этому вопросу... серьезно.

– Именно так, – подтвердила сестра викария.

– Еще с юношеских лет я старалась не относиться ко всему слишком серьезно, – сказала мисс Лей. – Так что, боюсь, теперь я безнадежно легкомысленна.

Контраст между этим утверждением и чопорностью мисс Лей был по-настоящему забавным, но мисс Гловер поняла лишь, что ничего не поняла.

– В конце концов, – добавила мисс Лей, – девять браков из десяти в большей или меньшей степени неудовлетворительны. Говорите, молодой Брандертон подойдет Берте лучше, но в действительности старинное генеалогическое древо никак не способствует семейному счастью, а за исключением этого я не вижу заметной разницы между Брандертоном и Эдвардом Крэдокком. Мистер Брандертон обучался в Итоне и Оксфорде, однако либо ничему не выучился, либо весьма успешно это скрывает. По сути дела, он такой же фермер-джентльмен, как мистер Крэдок, только один род пробивает себе дорогу вверх, а другой катится по наклонной. Брандертонам принадлежит прошлое, Крэдокам – будущее, и хотя я не сторонница реформ и прогресса, в качестве супруга для меня предпочтителен мужчина, который станет основателем рода, а не его последним чахлым побегом. Бог мой, вы заставляете меня изрекать расхожие истины! – Оппозиционный настрой превращал мисс Лей почти что в сторонницу Эдварда Крэдока.

– Что ж, – веско произнес доктор Рамзи, – лично я за тех, кто придерживается своего сословия. Сегодня всякий мечтает взлезть повыше: чернорабочий подделывается под ремесленника, ремесленник – под человека с профессией.

– При этом человек с профессией – хуже всех прочих, любезный доктор, – сказала мисс Лей, – поскольку этот подражает благородному лорду, который редко являет собой достойный пример. Самое смешное, что каждый класс считает себя не хуже того, что стоит над ним, и одновременно питает глубочайшее презрение ко всем, кто расположился на более низких ступенях. В сущности, единственные члены общества, которые оценивают себя должным образом, – это слуги. Мне часто приходит в голову, что прислуга в аристократических домах Южного Кенсингтона в несколько раз порядочней своих господ.

Ни мисс Гловер, ни доктор Рамзи не взялись бы обсуждать подобную тему, поэтому в разговоре повисла пауза.

– Назовите хоть один довод в пользу этого союза, – неожиданно потребовал доктор.

Мисс Лей посмотрела на него так, будто всерьез задумалась, и с насмешливой улыбкой произнесла:

– Дорогой доктор, мистер Крэдок – земной, прозаичный человек. Луна в небе никогда не приведет его в поэтический экстаз.

– Мисс Лей! – умоляющим тоном воскликнула сестра священника.

Мисс Лей обвела собеседников взглядом.

– Хотите знать, что я на самом деле думаю? – осведомилась она более серьезным, чем обыкновенно, тоном. – Милый доктор, наша девочка любит Крэдока. Если на то пошло, брак – настолько рискованное предприятие, что оправдывает этот риск одна лишь страсть.

Услышав последнее слово, мисс Гловер явно заволновалась.

– Да, мне известно, как вы все тут, в Англии, считаете, – продолжила мисс Лей, прочитав взгляд мисс Гловер. – По-вашему, причины для брака могут быть какими угодно, за исключением истинной, то есть инстинкта продолжения рода.

– Мисс Лей! – воскликнула сестра священника и покраснела.

– Послушайте, вы уже достаточно взрослая, чтобы трезво смотреть на вещи! – отрезала мисс Лей. – Берта – просто самка, которую влечет к самцу. Инстинкт продолжения рода – единственная достойная основа супружества; все остальное – сплошная порнография! Какая разница, что мужчина принадлежит к другому сословию? Общественный статус не имеет ни

малейшего отношения к природному инстинкту. Если бы я полюбила, мне было бы все равно, кто мой избранник, и я бы вышла даже за трактирного слугу, предложи он мне стать его женой!

– Вот так разговор! – хмыкнул доктор.

Мисс Лей, однако, уже разошлась и не дала ему продолжить.

– Главное предназначение женщины – производить на свет себе подобных, и мудрая женщина выберет отцом для своих детей сильного и здорового мужчину. Терпеть не могу тех дамочек, которые выходят замуж за «умных». Что толку от мужа, который выполняет мало-понятные математические расчеты? Женщине нужен мужчина сильный как бык и с таким же здоровым пищеварением.

– Мисс Лей, – вмешалась мисс Гловер, – конечно, я не могу тягаться с вами в том, что касается ума, однако убеждена, что вы не правы. Мне не следует слушать ваши речи; уверена, Чарльз бы их тоже осудил.

– Милая, вас воспитывали так же, как большинство английских девушек, то есть растили из вас дурочку.

Бедная мисс Гловер покраснела еще гуще.

– Во всяком случае, меня учили почитать священные брачные узы. В земной жизни мы все должны умерщвлять плоть, а не потакать ее желаниям. Надеюсь, у меня никогда не появится искушения посмотреть на эти вещи так, как смотрите вы. Если в будущем мне суждено выйти замуж, мысли о чувственных наслаждениях будут для меня на последнем месте. Для меня супружество – это духовный союз, в котором мой долг – любить и почитать мужа, повиноваться ему, беречь и поддерживать, – то есть вести бок о бок с ним такую жизнь, чтобы быть готовыми к смерти, когда она за нами придет.

– Чепуха! – заключила мисс Лей.

– Я считал, что вы более остальных станете возражать против этого брака, – высказался доктор Рамзи.

– Они не будут счастливы! – воскликнула мисс Гловер.

– Почему же нет? – возразила мисс Лей. – В Италии я знавала одну даму, леди Юстицию Шоу, которая вышла замуж за своего лакея. Благородная леди дала ему свою фамилию, и они пили как сапожники. Супруги прожили сорок лет в полной любви и согласии, а когда однажды он допился до смерти, бедная леди Юстиция так горевала, что первый же приступ белой горячки унес ее жизнь. Очень трогательная история.

– Думаю, что вы вряд ли мечтали бы о подобной судьбе для своей единственной племянницы, мисс Лей, – промолвила мисс Гловер, которая восприняла все всерьез.

– У меня есть еще одна племянница, – ответила мисс Лей. – У моей сестры, которая вышла замуж за сэра Джеймса Корга, трое детей.

– Полагаю, вам более не стоит беспокоиться, – вмешался доктор Рамзи, – поскольку я имею основания утверждать, что помолвка Берты и молодого Крэддока расстроена.

– Что? – воскликнула мисс Лей. – Я вам не верю!

– В самом деле? – одновременно с ней пискнула мисс Гловер. – О, какое облегчение! Доктор Рамзи, сияя от удовольствия, потер руки.

– Я должен был это сделать, – произнес он. – Ну, что вы теперь скажете, мисс Лей?

Замешательство мисс Лей доставляло ему явную радость, и это ее разозлило.

– Что я могу сказать, пока вы не объяснились? – пожала она плечами.

– Крэддок пришел ко мне вчера вечером – помните, он сам просил меня о встрече? – и я выложил ему все напрямик. Я сказал, что этот брак невозможен, что в Блэкстебле и Линхэме его будут называть охотником за приданым. Я просил его подумать о Берте. Крэддок – порядочный, честный парень, я всегда это говорил. Я убедил его, что он поступает неправильно, и под конец он пообещал разорвать помолвку.

– Крэддок не сдержит подобное обещание, – заявила мисс Лей.

– Еще как сдержит! – крикнул доктор. – Я знаю его с малых лет, он скорее умрет, чем нарушит слово.

– Бедняга, – сокрушенно промолвила мисс Гловер. – Должно быть, он ужасно страдал.

– Он держался как мужчина.

Мисс Лей поджала губы так, что они превратились в одну тонкую ниточку.

– И когда же Крэдок намеревается выполнить ваше нелепое указание, доктор Рамзи? – спросила она.

– Он сказал, что сегодня приглашен к вам на ленч и воспользуется этим случаем, чтобы просить Берту освободить его от клятвы.

– Идиот! – пробормотала мисс Лей вполне отчетливо.

– А я считаю, что мистер Крэдок повел себя весьма благородно, – сказала мисс Гловер, – и я обязательно скажу ему об этом.

– Я имела в виду не мистера Крэдока, – процедила мисс Лей, – а доктора Рамзи.

Мисс Гловер бросила взгляд на почтенного доктора, ожидая увидеть его реакцию на грубость, но в эту секунду дверь отворилась и в гостиную вошла Берта. Мисс Лей мгновенно уловила ее настроение. Берта явно не впала в отчаяние, слез не было и следа, но щеки покраснели ярче обычного, а губы были плотно поджаты. Тетушка без слов поняла, что племянница не на шутку рассержена. Тем не менее Берта моментально стерла с лица гневное выражение и поздоровалась с гостями, сияя приветливой улыбкой.

– Мисс Гловер, как мило, что вы к нам зашли! Как поживаете, доктор Рамзи? Кстати, вынуждена вас попросить впредь не вмешиваться в мои личные дела.

– Голубушка, – встряла мисс Гловер, – это ради вашего же блага.

Берта посмотрела на сестру викария, и ее щеки запылали еще сильнее.

– А, вижу, вы обсуждали эту тему. Прелестно! Эдвард просил меня расторгнуть помолвку.

Доктор Рамзи удовлетворенно кивнул.

– Но я отказала!

Доктор подскочил на стуле, а мисс Гловер, заломив руки, ахнула.

Это был один из тех редких случаев в жизни, когда мисс Лей позволила себе в открытую расхохотаться. Берта уже просто светилась от счастья.

– Он притворился, что хочет разорвать наши отношения, но я и слушать не стала этот вздор.

– То есть, когда мистер Крэдок попросил тебя дать ему свободу, ты ответила отказом? – изумился доктор.

– Вы вправду надеялись, что я позволю вам разрушить мое счастье? – презрительно проговорила Берта. – Мне стало известно о ваших происках, доктор Рамзи. Бедный мальчик, он счел, что честь не велит ему воспользоваться моей неопытностью. Я повторила Эдварду то, что повторяла миллион раз: я его люблю и не могу жить без него. Стыдитесь, доктор Рамзи! На что вы рассчитывали, вставая между мной и Эдвардом?

Последние слова Берта произнесла с большим жаром и теперь тяжело дышала. Доктор Рамзи оторопел, а мисс Гловер, которая подумала, что такие речи не к лицу молодой девушке, опустила глаза. Мисс Лей следила за всеми троими цепким взглядом.

– Вы на самом деле думаете, что мистер Крэдок в вас влюблен? – наконец произнесла мисс Гловер. – По-моему, если бы это было правдой, он не отказался бы от вас так легко.

Мисс Лей улыбнулась: ей показалось забавным, что это ангельски-кроткое создание выступило со столь коварным, поистине макиавеллиевским предположением.

– Эдвард предложил расстаться как раз потому, что дорожит мной, – с гордостью ответила Берта. – И за этот поступок я люблю его в тысячу раз сильнее.

– Положительно, у меня уже нет никакого терпения! – воскликнул доктор Рамзи, не в силах дольше сдерживаться. – Он женится на тебе из-за денег!

Берта издала короткий смешок. Стоя у камина, она повернулась к зеркалу и посмотрела на свои руки, покоящиеся на краешке каминной полки: узкие, изящные, с тонкими пальчиками и ногтями нежнейшего розового оттенка – самые восхитительные руки в мире, созданные для ласк. Зная их красоту, Берта не носила колец. Она подняла взор и оглядела свое отражение. Сперва ее взгляд задержался на темно-карих глазах, в которых то теплился, то ярко вспыхивал огонь любви; затем двинулся дальше, к аккуратным розовым ушам, похожим на раковины. Глядя на них, возникало ощущение, что нет более благодатного материала для кисти художника, нежели человеческое тело. Волосы были тоже темными, невероятно густыми – Берта с трудом укладывала их в прическу – и волнистыми. Эти волосы хотелось потрогать, запустить в них руки, почувствовать их восхитительную шелковистую мягкость. Берта поправила выбившуюся прядь – пусть говорят что угодно, но волосы у нее великолепные.

Берта и сама удивлялась своей смуглости: оливковая кожа заставляла вспомнить юг с его обжигающими страстями. Цветом лица – необычайно чистым и прозрачным – Берта напоминала женщин Умбрии. Один портретист как-то сказал ей, что в цвете ее кожи присутствуют все краски солнечного заката – те, что видны по краям, где великолепие заходящего светила сливается с небом. Кожа на лице Берты отливала сотней мягких оттенков – кремовых и молочно-белых, мерцала бледной желтизной, какую можно видеть в самой сердцевине розы, и тончайшим намеком на зелень молодой листвы, и при этом словно бы светилась изнутри жемчужным сиянием.

Берта посмотрела на свои полные алые губы, чувственные и влекущие; любой испытал бы томление только при мысли о том, как, должно быть, сладки поцелуи этих уст. Молодая женщина улыбнулась своему отражению и увидела ровные блестящие зубы. Критический осмотр собственных черт заставил щеки Берты порозоветь, и румянец еще сильнее оттенил великолепную белизну лица. Она медленно обернулась и поймала на себе три внимательных взгляда.

– По-вашему, мужчина не может влюбиться в меня из-за меня самой? Славное же у вас мнение обо мне, любезный доктор.

Мисс Лей сочла, что со стороны Берты весьма дерзко таким образом игнорировать мнение двух дам, причем незамужних, однако не высказала этого вслух. Тетушка перевела глаза с точеной мраморной шеи племянницы на столь же прекрасные руки и стройную фигуру.

– Милая, ты просто красавица, – с улыбкой произнесла она.

Доктор Рамзи окончательно вышел из себя.

– Боже, мисс Лей, неужели вы ничего не можете сделать, чтобы предотвратить это безумие?

– Дорогой доктор, у меня достаточно забот с устройством собственной жизни, не заставляйте меня лезть еще и в чужую.

Глава VI

Берта целиком и полностью отдалась любовному наслаждению. Ее сангвинический темперамент не позволял заниматься чем-либо наполовину, и теперь она даже не трудилась скрывать свои чувства. Любовь была безбрежным морем, в которое Берта отважно бросилась, не раздумывая, выплывет или утонет.

– Я такая глупенькая, – говорила она Крэдоку. – У меня в голове до сих пор не укладывается, что раньше люди тоже любили. Жизнь для меня словно только сейчас началась.

Самая короткая разлука с ним была для Берты невыносима. С раннего утра она жила ожиданием ленча, на который Эдвард приходил в Корт-Лейз, после чего провожала его назад на ферму. Дальше день тянулся бесконечно, и Берта считала часы до новой встречи с возлюбленным. Зато какое блаженство она испытывала, когда по вечерам, закончив работу, Крэдок приходил к ней и они садились рядышком у камина, чтобы поболтать! Берта нарочно не включала лампу, и единственным источником освещения было мягкое перемежающееся свечение углей. За исключением маленького пятачка, где они сидели, комнату окутывала темнота, а багряное пламя бросало отблеск на лицо Эдварда и порождало причудливые тени. Берта с обожанием смотрела на его правильные черты лица и кудрявые волосы, заглядывала в серые глаза. Ее страсть не знала границ.

– Закрой глаза, – шептала она и покрывала поцелуями смеженные веки, медленно прижимала губами к его губам, и мягкое соприкосновение заставляло ее трепетать и тихонько смеяться.

Она зарывалась лицом в его одежду, вдыхая крепкие запахи деревни, которые всегда приводили ее в восхищение.

– Чем ты занимался сегодня, милый?

– Сейчас на ферме не много дел. Мы только вспахивали землю и убрали корнеплоды.

Берту завораживало, когда Крэдок рассказывал о сельском хозяйстве, она могла слушать его часами. Каждое слово Эдварда казалось пленительным и новым. Она не сводила с Крэдока глаз, и хотя ей нравилось его слушать, чаще просто наблюдала за мимикой, не вникая в смысл фраз. Эдварда порой озадачивала абсолютно счастливая улыбка, игравшая на лице Берты, в то время как он говорил о способах дренирования почвы. Тем не менее она действительно интересовалась его делами и никогда не забывала спросить, поправился ли захворавший бычок. Ей было приятно представлять сильного человека, подчинившего себе крупных животных, и от этой мысли у нее самой напрягались мускулы. Берта решила выучиться верховой езде, теннису и гольфу, чтобы разделять с будущим мужем его увлечения. Собственные достоинства казались ей смехотворными и даже уничижительными. Глядя на Эдварда Крэдока, она осознавала, что человек – действительно царь природы. Берта смотрела, как он широким шагом идет по полю, раздает указания работникам, четко зная, что и как нужно делать, – мужественный, бесстрашный и свободный. Поразительно, сколько прекрасных качеств она находила, изучая его профиль.

Крэдок рассказывал о людях, которых нанимал на работу, и Берта не представляла себе большего счастья, нежели иметь такого хозяина, как Эдвард.

– Я бы хотела быть молочницей у тебя на ферме, – сказала она.

– Я не держу молочниц. У меня работает молочник, от него больше толку.

– Сокровище мое! – воскликнула Берта. – Какой же ты практичный!

Она взяла руки Эдварда в свои и принялась разглядывать.

– Знаешь, иногда я тебя боюсь, – со смехом призналась она. – Ты такой сильный, что рядом с тобой я чувствую себя совершенно беспомощной.

– Боишься, что я стану тебя колотить? – улыбнулся Крэдок.

Берта посмотрела ему в глаза, потом вновь опустила взгляд на крепкие руки, которые все еще держала в ладонях.

– Пожалуй, я бы не возражала. Наверное, я только полюбила бы тебя еще больше.

Крэдок расхохотался и поцеловал ее.

– Я не шучу, – настаивала Берта. – Теперь я понимаю тех женщин, которые питают слабость к грубым дикарям. Общеизвестно, что некоторые жены готовы сносить что угодно от своих мужей, и чем более жестоко те себя ведут, тем сильнее бедняжки к ним привязываются. Полагаю, мне бы это тоже понравилось. Правда, я ни разу не видела тебя в гневе, Эдди. Какой ты, когда разозлишься?

– Я никогда не злюсь, – ответил Крэдок.

– Мисс Гловер сказала, что у тебя лучший характер на свете. Меня пугает список твоих совершенств!

– Не ожидай от меня чересчур многого, Берта. Я совсем не идеальный человек.

– Это хорошо, – улыбнулась Берта. – Мне не нужен идеал. Разумеется, у тебя тоже есть недостатки, хоть я их пока не замечаю. А когда замечу, ты станешь для меня еще ближе. Говорят, если женщина влюбляется в уродливого мужчину, уродство делает его лишь более привлекательным, так что я полюблю твои недостатки, как и все остальное, что есть в тебе.

Некоторое время они сидели молча, и тишина была еще более чарующей, чем беседа. Берта так бы и покоилась в объятиях Крэдока целую вечность; она забыла, что скоро даст о себе знать его здоровый аппетит и он расправится с солидной порцией еды.

– Дай я посмотрю на твои руки, – попросила она.

Берта любила его руки. Крупные, грубо вытесанные, задубевшие от работы и ветра, они казались ей в десять раз красивее, чем изнеженные руки горожанина. Она находила их сильными и невероятно мужественными; они напоминали Берте скульптурную руку из итальянского музея, вырезанную из порфира и почему-то незаконченную – необработанные линии создавали то же впечатление скрытой внутри силы. Руки Эдварда также вполне могли быть руками полубога или античного героя. Берта распрямила у себя на ладони его длинные сильные пальцы. Крэдок смотрел на нее со смесью удивления и радости; он чувствовал, что почти не знает девушку. Поймав его взгляд, она с улыбкой наклонилась и поцеловала повернутые кверху ладони. Ей хотелось подчиниться этому большому мужчине, быть покорной и смиренной. Она с радостью стала бы рабой Крэдока и была бы счастлива выполнять для него самую черную работу. Берта не знала, как выразить всю глубину своей страсти.

Берте нравилось ходить в Блэкстебл под руку с женихом и ловить на себе взгляды окружающих – она знала, какое любопытство вызывает у них предстоящий брак. Пусть себе удивляются, что она выбрала Эдварда Крэдока, которого они знают всю жизнь. Берта гордилась возлюбленным, гордилась тем, что вскоре станет его супругой.

Как-то раз, когда выдался особенно теплый для конца осени день, Берта отдыхала на приступке у изгороди, а Крэдок стоял подле нее. Влюбленные не разговаривали и лишь взирали друг на друга в безмолвном обожании.

– Смотри-ка, – вдруг сказал Крэдок. – Вон идет Артур Брандертон. – Он бросил беспокойный взгляд на Берту, потом огляделся по сторонам, словно желая избежать встречи.

– Кажется, он недавно вернулся из поездки? – спросила Берта. – Я давно хотела с ним поболтать. – Она явно была не прочь продемонстрировать своего кавалера всему свету. – Добрый день, Артур! – поздоровалась она, когда молодой человек приблизился.

– Да это же Берта Лей! А, Крэдок.

Брандертон покосился на Эдварда, недоумевая, что тот делает в обществе мисс Лей.

– Мы ходили пешком в Линхэм, и я немного устала.

– А-а.

Брандертону-младшему показалось чудным, что хозяйка Корт-Лейз прогуливается вместе с Крэддоком.

Берта звонко рассмеялась.

– Ах, Эдвард, он же не знает! Единственный человек в округе, до которого еще не дошла новость.

– Что за новость? – осведомился Брандертон. – Я всю неделю провел в Йоркшире у зятя.

– Мы с Эдвардом женимся.

– Что, правда? Боже милостивый!

Брандертон посмотрел на Крэддока, затем неуклюже пробормотал положенные поздравления. Известие ошеломило молодого джентльмена, и, заметив это, Крэдок покраснел, ведь изумление Брандертона явно вызвал тот факт, что Берта снизошла до брака с безродным голодранцем.

– Рассчитываю получить приглашение на свадьбу, – произнес Брандертон, чтобы скрыть свое смущение.

– Церемония будет совсем скромной – только мы, доктор Рамзи, моя тетя и шафер Эдварда.

– Значит, мне нельзя прийти?

Берта бросила быстрый взгляд на Эдварда. Ей было неприятно думать, что дружкой жениха будет человек из простонародья. Если на то пошло, она – не кто-нибудь, а мисс Лей. Кроме того, Берта уже убедилась, что некоторые друзья ее будущего мужа не годятся для личного общества. Теперь ей представился удобный случай преодолеть эту трудность.

– Боюсь, что нет. Разве что вы попросите Эдварда возложить на вас почетную должность шафера.

Предложение Берты поставило обоих мужчин в неловкую ситуацию. Артур Брандертон вовсе не горел желанием оказывать Крэддоку одолжение. «Разумеется, – думал он, – Крэдок хороший малый и отличный спортсмен, но в женихи Берте Лей не годится». Крэдок молчал, понимая, какие чувства испытывает Брандертон. Однако последний все же имел представление об учтивости, поэтому первым нарушил возникшую паузу.

– Крэдок, вы уже выбрали себе шафера? – спросил он. Ничего другого на ум ему не пришло.

– Нет... Как-то не задумывался об этом.

Поймав взгляд Берты, Брандертон вдруг понял, чего она хочет и с чем связано ее желание.

– Возьмете меня? – быстро произнес он. – Смею утверждать, у меня хватит соображения справиться со всеми обязанностями.

– С большим удовольствием, – отозвался Крэдок. – Вы очень любезны.

Брандертон вновь посмотрел на Берту, та одарила его признательной улыбкой. Он видел, что девушка довольна.

– Где вы собираетесь провести медовый месяц? – спросил Артур для поддержания разговора.

– Не знаю, – ответил Крэдок. – У нас пока не было времени подумать об этом.

– Да, с планами у вас сплошная неопределенность.

Брандертон распрощался с влюбленной парой – напоследок Берта благодарно стиснула ему руку – и ушел.

– Неужели ты и вправду не думал про наше свадебное путешествие, глупыш? – ласково обратилась Берта к Крэддоку.

– Нет.

– Зато я подумала и уже все решила. Мы отправимся в Италию. Я покажу тебе Флоренцию, Пизу и Сиену. Поездка выйдет волшебная! Мы не поедем в Венецию, этот город слишком сентиментален. Не могут же приличные люди в конце девятнадцатого века предаваться любви

в гондолах! О, и я так мечтаю побывать с тобой на юге, под лазурным небом и бесчисленной россыпью ночных звезд.

– Я никогда не выезжал за границу, – заметил Крэддок без особого воодушевления.

Энтузиазма Берты, однако, хватало на двоих.

– Знаю, знаю. Я с радостью открою для тебя новые места и буду наслаждаться их красотой еще сильнее, чем раньше, ведь ты увидишь их впервые! Мы можем провести там полгода.

– Что ты, это невозможно! – воскликнул Крэддок. – Как же я брошу хозяйство?

– Бог с ним, с хозяйством. Речь о нашем медовом месяце, *sposo mio*¹⁵.

– Я не смогу пробыть в отлучке дольше двух недель.

– Что за вздор! Нельзя же поехать в Италию на две недели. На ферме обойдутся и без тебя.

– Тем более в январе и феврале, когда должны ягниться овцы!

Крэддок не хотел огорчать Берту, но, с другой стороны, понимал, что половина ягнят просто погибнет, если он лично не проследит за их появлением на свет.

– Нет, ты должен поехать, я так мечтала об этом.

Некоторое время Крэддок стоял с несчастным видом, опустив голову.

– Может, хватит хотя бы месяца? – поднял он глаза на Берту. – Я сделаю все, как ты захочешь.

То, что ее план пришелся Крэддоку явно не по душе, поразило Берту. Она настаивала на своем только потому, что он сопротивлялся, но как только Эдвард проявил уступчивость, Берта мгновенно раскаялась в собственном упрямстве.

– Какая же я эгоистка! – воскликнула она. – Эдди, я совсем не хочу, чтобы ты страдал. Я думала, что тебе будет интересно отправиться в путешествие, и так чудесно все распланировала. Нет, мы не поедem за границу; ненавижу Италию. Давай лучше на две недели съездим в Лондон, словно парочка настоящих провинциалов.

– Да тебе это не понравится!

– Еще как понравится. Я люблю все, что любишь ты. Какая разница, куда ехать, лишь бы вместе с тобой. Ты ведь не сердишься на меня, душа моя, нет?

Мистер Крэддок недвусмысленно дал понять, что не сердится.

Мисс Лей вопреки своей воле и по инициативе мисс Гловер оказалась вовлечена в благотворительную деятельность и теперь вязала детские носочки (как самые маленькие предметы одежды, которые могла изготовить). Когда Берта сообщила тетушке об изменившихся намерениях, та уронила петлю. Мисс Лей благоразумно промолчала, а про себя подумала, не ждать ли конца света. Планы племянницы рушатся, будто песочные замки, а она и довольна! Месяц назад Берта скорее переплыла бы море и одолела самую высокую горную кручу, нежели отказалась бы от завладевшей ею мысли. Воистину любовь – это умелый фокусник, который делает из льва агнца с той же легкостью, с какой превращает шейную косынку в цветочный горшок! Мисс Лей начала испытывать к Эдварду Крэддоку неподдельное уважение.

Последний, расставшись с Бертой, по дороге домой встретил линхэмского vicария. Мистер Гловер был высоким угловатым мужчиной, худощавым, румяным и светловолосым. Он представлял собой несколько женоподобную копию своей сестры, но при этом распространял вокруг себя ощутимый запах антисептиков; мисс Лей божилась, что он пересыпает свою одежду йодоформом и каждый день принимает ванну с карболкой. Викарию было за сорок, он был энергичен, доброжелателен и ненавидел диссентеров.

– А, Крэддок, я как раз хотел с вами поговорить.

¹⁵ Здесь: муженек (*ит.*).

– Надеюсь, не насчет оглашения бракосочетания? Мы женимся по специальному разрешению¹⁶.

Как многие сельские жители, Эдвард находил священников забавными (дескать, не стоит на них обижаться, поскольку духовный сан – единственная шутка в их жизни) и имел привычку относиться к викарию с большей долей юмора, нежели проявлялась у него в других сферах жизни. Викарий расхохотался: одна из лучших черт сельского духовенства состоит в том, что они искренне радуются шутливости своих прихожан.

– Стало быть, свадьба – дело решенное? Молодой человек, да вы просто счастливчик!

Крэдок взял мистера Гловера под руку с безотчетным дружелюбием, которое позволяло ему завоевывать расположение множества людей.

– Да, я счастливчик, – подтвердил он. – Понимаю, людям кажется странным, что Берта выходит за меня замуж, но... Мы с ней очень привязаны друг к другу, и я постараюсь сделать для нее все, что в моих силах. Сами знаете, викарий, я никогда не был бездельником и гулякой.

– Верно, юноша, – ответил викарий, тронутый откровенностью Крэдока. – Всем известно, что вы – человек надежный.

– Конечно, она могла бы выйти за мужчину с более высоким положением, однако я постараюсь сделать ее счастливой. Кроме того, у меня в отличие от других нет никаких секретов. Я почти так же чист перед Бертой, как и она передо мной.

– Не многие могут этим похвастаться, – заметил викарий.

– Прежде я не любил ни одной женщины, а что до... остального – ну да, я молод и иногда езжу в город, но мне самому всегда от этого тошно. Сельская жизнь и тяжелый труд – первое средство против всякой скверны.

– Очень рад слышать от вас эти слова, – сказал мистер Гловер. – Желаю вам счастья и верю, что оно у вас будет.

Викарий почувствовал слабый укол совести: поначалу он и сестра называли этот союз *mesalliance*¹⁷ (произношение у обоих было ужасное), и только осознав его неизбежность, почувствовали, что в их отношении к предстоящему событию не хватает христианской терпимости. Прощаясь, мужчины пожали друг другу руки.

– Надеюсь, вы не против, что я излил перед вами душу, – промолвил Крэдок. – В некотором роде это ведь ваша работа. Примерно о том же я хотел сказать мисс Лей, да все никак не получалось.

¹⁶ *Специальное разрешение* – разрешение на венчание без оглашения имен вступающих в брак, в неустановленное время или в неустановленном месте.

¹⁷ Неравный брак (фр.).

Глава VII

Ровно через месяц после совершеннолетия Берты, как и было объявлено, состоялось венчание, и молодожены отправились в Лондон, чтобы провести там медовый месяц. Берта, хоть и знала, что не сможет читать, все-таки взяла с собой книгу – «Размышления» Марка Аврелия, а Эдвард, находя поездки по железной дороге ужасно скучными, на этот случай приобрел «Тайну шестипалой дамы» – уж очень его привлекло название. Он твердо решил бороться со скукой и, разочарованный содержанием романа, купил на вокзале свежий номер «Спортинг таймс».

Когда поезд тронулся, Берта облегченно вздохнула:

– Уф, наконец-то мы одни. Теперь нам никто не помешает, и мы будем вместе до конца дней.

Крэдок опустил газету, которую по привычке развернул, расположившись в купе.

– Я тоже рад, что церемония закончилась.

– Знаешь, – сказала Берта, – по пути в церковь меня почему-то охватил страх! Я испугалась – а что, если тебя там нет? Вдруг ты передумал и сбежал?

– С какой стати мне передумывать? – рассмеялся Крэдок.

– Послушай, я не могу чинно сидеть напротив тебя, как будто мы женаты уже сто лет. Ну-ка, муженек, подвинься. – Берта уселась на сиденье Эдварда и прижалась к его плечу. – Скажи, что ты меня любишь.

– Я очень тебя люблю.

Он наклонился и поцеловал Берту, потом обнял за талию и привлек к себе. Крэдок изрядно волновался и ничуть не сожалел бы, если бы кто-нибудь из персонала поезда проигнорировал табличку с надписью «Молодожены» и вошел. В роли супруга он чувствовал себя скованно и до сих пор не мог привыкнуть к мысли о переменившемся финансовом положении – между поместьем Корт-Лейз и фермой Бьюли действительно лежала пропасть.

– Я так счастлива, – призналась Берта, – что мне иногда даже страшно. Думаешь, наше блаженство может длиться вечно? У меня есть все, о чем я мечтала в жизни, я целиком и полностью удовлетворена. – Она немного помолчала, глядя руки Крэдока. – Скажи, Эдди, ты всегда будешь любить меня? Даже когда я состарюсь и стану страшной?

– Я по натуре постоянен, – ответил он.

– Ах, ты даже не представляешь, как я тебя обожаю! – горячо воскликнула Берта. – Мои чувства к тебе никогда не переменятся, я буду любить тебя до последнего вздоха. Если бы ты только знал, что я испытываю!

С некоторых пор английский язык оказался бессилием выразить все богатство переполнявших Берту эмоций.

Они сняли номер в самом дорогом отеле. Крэдок благоразумно предложил выбрать что-нибудь поскромнее, но Берта и слышать ничего не хотела. Будучи аристократкой, она привыкла, чтобы все было по высшему разряду и, кроме того, так гордилась своей новой фамилией, что непременно желала записать ее в самом роскошном отеле Лондона.

Чем больше Берта узнавала характер мужа, тем сильнее им восхищалась. Ей нравились его простота и естественность. Она отбросила свои прежние взгляды, словно изношенный шелковый плащ, и завернулась в грубую домотканую материю, которая так шла ее супругу и повелителю. Берта находила очаровательным его детский восторг. Для Крэдока все было внове: он разражался хохотом, просматривая юмористические журнальчики, а в ежедневных изданиях постоянно находил утверждения, которые казались ему необычайно оригинальными. Это было невинное дитя природы, далекое от миллиона пороков цивилизации. Познать его натуру, по

мнению Берты, означало познать всю добродетель и чистоту, силу и великодушие настоящего англичанина.

Они часто посещали театр, и Берту восхищала наивная радость мужа. Душещипательные сцены, которые заставляли ее кривить губы в легкой презрительной усмешке, трогали Эдварда до слез, и он ободряюще стискивал в полумраке ладонь Берты, воображая, что она чувствует то же самое. Ах, если бы! Она возненавидела свое заграничное образование – знакомство с картинами, дворцами и людьми в чужих странах освободило ее разум от тьмы невежества, но при этом разрушило большую часть иллюзий. Теперь она мечтала бы вернуть себе неискушенность и бесхитростную простоту типичной пухленькой английской барышни. Какой прок от знаний? Блаженны нищие духом; все, что нужно женщине, – праведность, доброта и, пожалуй, некоторые навыки в приготовлении несложной еды.

– Потрясающе, правда? – оборачивался Крэдок к жене.

– Ах, милый, – шептала та в ответ.

Его способность к сопереживанию искренне трогала Берту. Она еще сильнее любила Эдварда за то, что всколыхнуть его чувства почти ничего не стоило. О, как ненавидела она холодное пренебрежение циников, насмехающихся над жгучими слезами простодушных!

В конце первого акта любовники – раненая героиня и ложно подозреваемый герой – отыграли горестное прощание, занавес упал, и зал взорвался аплодисментами. Эдвард откашлялся и высморкал нос. В начале следующего акта, сгорая от нетерпения узнать, что же будет дальше, он моментально перестал слушать Берту, которая что-то говорила, и полностью отдался происходящему на подмостках. После сцены, призванной разбередить души зрителей, наступил черед репризы. Комик проделывал забавные штуки с различными предметами одежды, ронял столы и стулья, и Берта вновь радовалась, слыша раскаты непринужденного хохота мужа – Крэдок запрокинул голову назад и, держась за бока, едва не рыдал от смеха. «Характер у него замечательный», – подумала Берта.

У Крэдока были очень строгие понятия о нравственности, поэтому он наотрез отказывался вести жену в мюзик-холл. За границей Берта повидала много такого, чего Эдвард и вообразить себе не мог, однако она отнеслась к его чистоте с уважением. Ей нравилась твердость, с которой Крэдок придерживался своих принципов, а еще то, что он относился к ней как к маленькой девочке. Супруги побывали во всех лондонских театрах. Раньше во время своих редких приездов в столицу Эдвард не позволял себе значительных трат на культурные развлечения, и теперь покупка билетов в партер и облачение во фрак доставляли ему огромное удовольствие. Берта с восхищением любовалась супругом, одетым в вечерний костюм: черный фрак подчеркивал его цветущий вид, а белая сорочка со стоячим воротничком оттеняла красноту загорелого обветренного лица. Эдвард выглядел невероятно сильным и мужественным, а еще он был супругом Берты, и разлучить их могла лишь одна смерть. Она его боготворила.

Крэдок наблюдал за действием на сцене с неослабевающим интересом. Он сгорал от нетерпения узнать, что произойдет дальше, и внимательно следил даже за невразумительным сюжетом водевиля. На него ничто не наводило скуку. Самым блестящим острьякам со временем приедаются шутки и музыкальные гармонии, звучащие в бурлесках театра «Гейети»¹⁸ – они напоминают сливочные тянучки, которые мы обожали в детстве и к которым равнодушны теперь. Берта получила некоторое представление о музыкальном искусстве в странах, где оно – источник наслаждения, а не тягостный, навязанный приличиями долг, и от популярных мелодий с легко запоминающимся рефреном ее передергивало. Крэдока, напротив, они трогали до глубины души; он стучал ногой в такт пошлым современным мотивчикам, и лицо его менялось, едва оркестр начинал играть патриотический марш с непременно визгливым ревом духовых

¹⁸ Театр «Гейети» – английский театр развлекательного направления. Открыт в Лондоне в 1868 г. На сцене театра играли комедии, оперетты, фарсы.

инструментов и громом барабанов. В течение последующих дней он с удовольствием напевал или насвистывал запомнившуюся мелодию.

– Я очень люблю музыку, – признавался он жене в антракте. – А ты?

Берта с ласковой улыбкой кивала и, дабы не расстраивать мужа, скромно умалчивала о том, что от той музыки, которую имеет в виду Крэдок, ее чуть не тошнит. Ничего страшного, что музыкальные вкусы Эдварда небезупречны. В конце концов, простые, невзыскательные мотивы, которые находят отклик в людских сердцах, тоже имеют свою прелесть.

– Я хочу, чтобы дома ты музицировала для меня, – сказал Крэдок.

– С удовольствием, – промурлыкала Берта, воображая долгие зимние вечера, которые они вместе будут проводить за фортепиано. Она будет играть, а Эдвард – переворачивать страницы. Берта поразит его, раскроет перед ним все богатство музыкального творчества великих композиторов. Она не сомневалась, что, по большому счету, вкус у Крэдока отличный.

– Моя мать оставила после себя много нот, – сообщил он. – Ей-богу, я не прочь снова послушать добрые старые мотивы. Мне они никогда не надоедают! «Последняя роза лета», «Дом, милый дом» и все такое прочее.

– Спектакль был просто отличный, – заметил Крэдок за ужином. – Я бы хотел еще разок сходить на него до нашего отъезда.

– Как пожелаешь, дорогой.

– Такие развлечения идут только на пользу. Сразу как-то встряхиваешься, правда?

– А мне на пользу видеть тебя в хорошем настроении, – дипломатично отозвалась Берта.

Она сочла спектакль вульгарным, но перед лицом мужниных восторгов ей оставалось лишь обвинить себя в нелепой брезгливости. Кто она такая, чтобы судить о подобных вещах? Не вульгарно ли с ее стороны видеть пошлость в том, что доставляет радость простодушным? Берта корила себя за то, что похожа на *nouveau riche* – богатого выскочку, который страдает от всеобщего недостатка аристократизма. Нет, она устала от постоянной оценки всего и вся, от изысканности и прочих атрибутов декадентской цивилизации. «Ради всего святого, – подумала Берта, – нужно быть проще и довольствоваться простыми развлечениями».

Она вспомнила четырех полураздетых девиц в обтягивающих трико, отплясывавших на редкость неуклюжую джигу, которую восторженная публика заставила дважды повторить на бис.

Существует некоторая трудность в том, чтобы занять себя в Лондоне, если в этом городе нет ни дел, ни знакомых, которым можно наносить визиты. Берта охотно сидела бы день-деньской в гостиничном номере наедине с Эдвардом, тихо наслаждаясь его близостью и своим счастьем. Крэдок, однако, был наделен здоровой энергией чистокровного англосакса – той самой потребностью в постоянной активной деятельности, которая подарила миру английских легкоатлетов, миссионеров и членов парламента. Едва приступив к завтраку, Крэдок задавал неизменный вопрос: «Куда мы сегодня пойдем?» Берта ломала голову и перелистывала путеводитель, выбирая места, достойные осмотра. Единственным способом времяпрепровождения для семейной четы стало подробное изучение английской столицы, как если бы они приехали в Лондон из другой страны.

Супруги посетили Тауэр, где разглядывали короны, скипетры и прочие регалии; побывали в Вестминстерском аббатстве. Присоединившись к группе американских и отечественных туристов, которых туда-сюда водил служитель в черном балахоне, Берта и Эдвард посмотрели на места захоронения монархов и на все прочее, что полагалось увидеть. У Берты вспыхнул неподдельный интерес к памятникам древности; ей нравилось ощущение наивного невежества, с каким турист, привезенный агентством Кука, отдается в руки музейного гида, смотрит, куда велено, и, раскрыв рот, внимает самым недостоверным историям. Осознавая скудость соб-

ственных познаний, Берта желала ближе познакомиться с историей родной страны. Эдварду не все нравилось в одинаковой степени. Картины вызывали у Крэдока зевоту (живопись вообще нагоняла на него скуку), поэтому посещение Национальной галереи вышло неудачным. В Британском музее ему тоже не понравилось. Прежде всего Крэдоку стоило большого труда следить за тем, чтобы взор жены не наткнулся на обнаженные статуи, расставленные повсюду без какого бы то ни было уважения к чувствам порядочных людей. Один раз она остановилась перед скульптурной группой, нагие фигуры в которой были крайне скудно прикрыты щитами и мечами, и принялась восторгаться их красотой. Эдвард беспокойно огляделся по сторонам и, коротко согласившись с Бертой, поспешно увел ее к более приличным экспонатам.

– Терпеть не могу эту гадость! – в сердцах воскликнул он, когда они стояли перед статуями трех богинь из греческого Парфенона. – Ни в жизнь сюда больше не приду.

Берте стало немножко стыдно, поскольку она втайне восхищалась этими скульптурами.

– Ну вот объясни мне, что красивого в этих безголовых созданиях? – спросил Крэдок.

Берта не нашла с ответом, и он утвердился в своей правоте. Эдвард был душкой, она любила его всей душой.

С другой стороны, Музей естествознания вызвал у Крэдока массу положительных впечатлений. Здесь он не ощущал стеснения и скованности, здесь не выставлялись разные непристойности, от которых следовало оберегать взгляд супруги, а животные – это то, что понятно любому человеку. Тем не менее звери и птицы сразу же напомнили ему о просторах Восточного Кента и привычной, милой сердцу жизни. В Лондоне было хорошо, однако Крэдок все равно чувствовал себя не в своей тарелке, и пребывание в чужом городе его уже тяготило. Берта тоже начала поговаривать о доме и Корт-Лейз; она всегда жила скорее будущим, нежели настоящим, и даже в этот счастливый период с нетерпением ожидала наступления тех дней в Линхэме, когда ее блаженство наконец будет полным.

Впрочем, Берта и сейчас была довольна. Со дня свадьбы прошла всего неделя, а ей уже страстно хотелось осесть на месте и осуществить все свои чаяния. Супруги живо обсуждали перестановки, которые необходимо сделать в доме; Крэдок составил план по приведению в порядок сада и фермы при усадьбе. Заниматься хозяйством он был намерен лично.

– Я хочу домой, – сказала Берта. – Лондон мне надоел.

– Да, поскорее бы закончились эти две недели, – ответил Крэдок.

Он сам решил, что свадебное путешествие продлится четырнадцать дней и теперь не мог пойти на попятную. Крэдок не любил менять свои планы и придумывать что-то новое; он гордился, что никогда не отступает от принятых решений.

Неожиданно молодожены получили письмо от мисс Лей, в котором она извещала, что упаковала вещи и отбывает в Европу.

– Думаешь, нам не следует попросить мисс Лей задержаться? – обратился Крэдок к жене. – Не очень-то красиво получается: мы как будто ее выгоняем.

– Ты же не хочешь, чтобы она жила с нами? – встревожилась Берта.

– Вовсе нет, только не понимаю, почему ты выставляешь ее за дверь, точно служанку, с уведомлением за месяц.

– О, я попрошу тетушку остаться, – заверила Берта, желая повиноваться мужу во всем до мелочей. К тому же повиноваться было нетрудно, поскольку Берта отлично знала, что мисс Лей ни за что не примет ее предложения.

Сейчас Берта не хотела кого-либо видеть, и менее всего – свою тетю, смутно ощущая, что присутствие действующих лиц из прошлого неким образом умалит ее нынешнее счастье. Вдобавок она вряд ли сумела бы скрывать переполнявшие ее эмоции, а выказывать их перед критическим взором мисс Лей Берте было бы стыдно. Зная спокойную насмешливость мисс Лей и ее сдержанное презрение ко многим вещам, отношение к которым Берта изменила ради

Крэдока, молодая женщина пришла к выводу, что встреча с тетушкой сулит ей сплошное неудобство.

Из ответного письма мисс Лей стало ясно, что она, по-видимому, знает свою племянницу лучше, чем та предполагала.

«Моя дорогая Берта!

Выражаю крайнюю признательность твоему супругу за любезное предложение пожить в Корт-Лейз и все же тешу себя мыслью, что твое мнение обо мне достаточно высоко и потому не позволит тебе допустить, что я отвечу согласием. Новобрачные, знаешь ли, дают массу поводов для смеха (а смех, как утверждают, – самое замечательное свойство человека и единственное, что отличает его от неразумных тварей), но поскольку я до странности бескорыстна, то не считаю возможным воспользоваться шансом, который вы с Эдвардом мне предоставляете. Вероятно, через год вы начнете замечать недостатки друг друга, и тогда общаться с вами будет интереснее, хотя и менее забавно. Итак, нет. Я отправляюсь в Италию, где вновь окунусь в водоворот пансионеров и второразрядных отелей, в которых судьбой предопределено коротать жизнь незамужним дамам со средним достатком. С собой я беру бедкер, и если мне случится возмнить себя умнее прочих, его красная обложка всегда напомнит о том, что я – всего лишь человек.

Кстати, надеюсь, ты не показываешь свою корреспонденцию (и особенно мои письма) супругу. Мужчине никогда не понять женского общения в эпистолярной форме, ведь он читает написанное, пользуясь своим примитивным алфавитом из двадцати шести букв, тогда как требуется по меньшей мере пятьдесят две, да и тех ему вряд ли хватит. Скверное правило – разрешать мужу читать чужие письма. Наблюдая за семейными парами, я уверилась в том, что это – кратчайший путь в бракоразводный суд. В сущности, для счастливых супругов чистой воды безумие делать вид, будто у них нет секретов друг от друга, потому что такое притворство еще сильнее толкает их на обман. Если же вопреки всему ты считаешь, что обязана показать Эдварду мое послание, возможно, он найдет его бесполезным в плане более близкого знакомства с моим характером, за изучением коего я сама провела немало увлекательных лет.

Своего адреса не оставляю, дабы тебе не пришлось искать причин, по которым мое письмо останется без ответа.

*Любящая тебя тетя,
Мэри Лей».*

Берта нетерпеливым жестом передала письмо Эдварду.

– Что она имела в виду? – недоуменно спросил тот, закончив читать.

Берта пожалала плечами.

– Тетя Полли верит исключительно в людскую глупость. Бедняжка не знает, что такое любовь. Но у нас с тобой не будет тайн друг от друга. Я знаю, Эдди, что ты никогда и ничего не станешь от меня скрывать, а я... Что такого я способна сделать, в чем не могла бы тебе признаться?

– Смешное письмо, – заметил Крэдок, снова бросив взгляд на листок бумаги.

– Зато теперь, милый, нам никто не помешает, – сказала Берта. – Дом в нашем распоряжении. Едем теперь же?

– Но ведь две недели еще не закончились, – возразил он.

– Какая разница? Мы оба устали от Лондона; поедem лучше домой. Зачем откладывать, если впереди нас ждет новая жизнь? Этот медовый месяц – такая глупость!

– Что ж, я не против. Вообрази, что было бы, если бы мы укатили в Италию на полтора месяца!

– Ну, я просто не знала, что такое медовый месяц. Представляла его совсем иначе.

– Теперь видишь, что я был прав?

– Конечно, конечно! – воскликнула Берта и обвила руками шею Эдварда. – Ты всегда прав, мой драгоценный супруг. Ах, как же я тебя люблю!

Глава VIII

Между Линхэмом и Блэкстеблом кентское побережье уныло и пустынно. Холодные ветры с Северного моря, властвующие на протяжении долгих зимних месяцев, гнут деревья; темные воды постоянно рожают пелену тумана, который сбивается в плотные облака. Это суровый край: порой мрачные тона и безмолвное море выражают покой и затаенную обиду, ледяные порывы ветра заставляют кровь быстрее бежать по венам, и тогда широкий шаг и порозовевшие щеки утверждают радость жизни, но, помимо этого, голая каменная пустыня может ввергнуть в самую черную меланхолию, а свинцовое небо – породить отчаяние, которое страшнее смерти. Человеческий настрой всегда находит отражение в окружающем пейзаже, и одновременно природа содержит в себе квинтэссенцию наших чувств.

Берта стояла на широкой дороге, что проходила мимо Корт-Лейз, и смотрела на принадлежавшие ей владения. Поблизости признаками обитания людей служили лишь два домишки, но время и непогода почти полностью лишили их признаков того, что в строительство был вложен человеческий труд. Они стояли в стороне от дороги, среди плодовых деревьев, и выглядели частью природы, а не уродливым пятном, каким всегда казался Корт-Лейз. Вокруг расстилались поля, обширные участки вспаханной земли и пастбищные луга с сухим и жестким травяным покровом. Редкие деревья, стоящие вдалеке, сгибались под порывами ветра. Дальше лежал Блэкстебл – россыпь серых домов, которые отделялись полосой новых коттеджей, выстроенных для лондонцев, что приезжали сюда на лето. Это был рыбацкий городок, в море там и сям виднелись смаки¹⁹.

Берта смотрела на открывающийся пейзаж, и в ее груди теснились неизведанные донные чувства. Тяжелые низкие тучи словно бы создавали невидимый барьер, который отгораживал ее от остального мира. Вокруг расстилалась родина ее предков – здесь появилась на свет она сама, как прежде рождались они. Прожив свой век, один за другим они возвращались туда, откуда пришли, и вновь соединялись с землей. Берта отринула пышность и суету, чтобы жить так, как жили отцы и деды, – пахать, сеять и жать, но ее дети, еще не рожденные потомки, будут принадлежать к другому поколению, более сильному и прекрасному. Семейная ветвь Лей ушла в небытие, и сыновья Берты будут носить другое имя. Все это она прочла, глядя на темные поля и серую дымку тумана. Легкое физическое утомление, которое передалось разуму, вдруг породило у Берты ощущение усталости целого рода, просуществовавшего чересчур долго; она подсознательно поняла, что сделала правильный выбор, решив добавить в кровь семьи Лей новую, свежую струю. Здоровая молодая кровь была необходима, чтобы возродить угасающий род. Мысли Берты перенеслись к отцу – человеку, лишь поверхностно знакомому с искусством, колесившему по Италии в поисках красивых предметов и чувств, которых не могла дать его родная страна. Она вспомнила и тетюшку, чье отношение к жизни выражалось в легком пожимании плеч и тонкой улыбке, умело скрывавшей презрение. Разве не мудро поступила Берта, последняя из семьи? Слишком слабая, чтобы выстоять в одиночку, она нашла супруга, чья мощь и жизненная энергия станут надежной опорой ее хрупкому стеблю. В жилах мужа таится сила матери-земли, первобытная сила, которой неведомы колебания слабаков. Он – властный повелитель, а она – его покорная раба.

Миссис Крэддок заметила у подножия холма фигуру, размахивающую зонтиком, и улыбнулась, узнав мужскую походку мисс Гловер. Решительность старой девы ощущалась даже на расстоянии. Мисс Гловер приблизилась. От быстрого подъема ее лицо покраснелось больше обычного, отделанный тесьмой жакет облегал фигуру плотно, точно вторая кожа.

– Я собиралась навестить вас, Берта! – крикнула она. – Мне сказали, что вы вернулись.

¹⁹ Смак – небольшое одномачтовое рыболовное судно.

– Да, мы дома уже несколько дней, отдыхаем с дороги.

Мисс Гловер энергично потрясла руку Берты, и они вместе двинулись к дому вдоль аллеи, обрамленной голыми черными деревьями.

– Итак, расскажите же про ваш медовый месяц. Мне ужасно не терпится обо всем узнать.

Берта, однако, оказалась неразговорчива. Она инстинктивно не хотела посвящать кого-либо в свои личные дела и, кроме того, никогда не жаждала поддержки и сочувствия посторонних.

– Да, собственно, рассказывать почти не о чем, – молвила она, когда хозяйка и гостя расположились в гостиной и Берта принялась разливать чай. – Полагаю, все свадебные путешествия более-менее одинаковы.

– Ах, какая вы смешная! – воскликнула сестра викария. – Вам ведь понравилось?

– О да, – ответила Берта; на ее лице заиграла почти экстатическая улыбка. – Мы замечательно провели время, побывали во всех лондонских театрах!

Мисс Гловер почувствовала, что супружество изменило Берту, и, осознав эту перемену, немного занервничала. Она с беспокойством поглядывала на замужнюю даму и время от времени краснела.

– Вы счастливы? – неожиданно выпалила она.

Берта улыбнулась и порозовела, отчего стала выглядеть просто красавицей.

– Думаю, что да, счастлива.

– Вы разве не уверены? – придралась к слову мисс Гловер, которая во всем любила точность и с большим неодобрением относилась к людям, неспособным разобраться в самих себе.

Берта взглянула на нее так, словно задумалась над вопросом.

– Видите ли, – сказала она, – счастье – это всегда не совсем то, чего ты ждал. Едва ли я рассчитывала получить так много и все равно представляла себе счастье по-другому.

– Пожалуй, не стоит сильно углубляться в эти рассуждения, – чуточку строго ответила мисс Гловер, считавшая, что молодой замужней женщине не подобает заниматься самоанализом. – Нам следует принимать происходящие с нами события такими, какие они есть, и благодарить Бога за это.

– В самом деле? – весело переспросила Берта. – У меня так не выходит. Мне всегда мало того, что есть.

Хлопнула входная дверь, и Берта вскочила с дивана.

– Эдвард пришел! Я должна его встретить, не возражаете?

Она почти вприпрыжку выбежала из комнаты. Замужество удивительным образом развеяло присущую Берте серьезность, из-за которой окружающие почти не видели в ней ничего девического. Она казалась моложе и беспечнее.

«Что за странное создание! – думала мисс Гловер. – В девушках держалась будто замужняя леди, а теперь скачет будто школьница».

Сестра викария сомневалась, что подобное легкомыслие уместно в положении замужней дамы и что необычные взрывы смеха Берты приличествуют этому таинственному состоянию, требующему степенности.

«Надеюсь, у нее все сложится хорошо», – вздохнула мисс Гловер.

Берта же порывисто бросилась на шею мужу и поцеловала его, а затем помогла снять куртку.

– Как я рада тебя видеть! – вскричала она, весело смеясь над собственным пылом, – супруги расстались не далее как после ленча.

– У нас гости? – осведомился Крэдок, заметив зонтик мисс Гловер, и немного рассеянно обнял жену.

– Сейчас увидишь, – ответила Берта. Взяв мужа под руку, она потащила его в гостиную. – Беденький, ты, наверное, ужасно хочешь чаю!

– Мисс Гловер! – вскричал Крэдок. Они с обоюдной доброжелательностью пожали друг другу руки. – Как замечательно, что вы решили к нам заглянуть. Я искренне рад вас видеть. Сами видите, мы вернулись раньше, чем планировали. Нет места лучше, чем родной дом, верно?

– Вы правы, мистер Крэдок. Лично я не выношу Лондон.

– Ах, да вы просто его не знаете, – вставила Берта. – Для вас весь Лондон – это лишь кондитерская, Эксетер-Холл²⁰ да церковные конгрессы.

– Берта! – удивленно посмотрел на жену Крэдок: он не понимал ее фривольного обращения с мисс Гловер.

Сестра викария, это кроткое создание, была слишком мягкосердечна и потому не обижалась на высказывания Берты. Мисс Гловер мрачно улыбнулась – по-другому она не умела.

– Мистер Крэдок, расскажите, как вы проводили время в Лондоне. Из Берты ничего не вытянешь!

²⁰ *Эксетер-Холл* – здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.